

Джаммария

ЭТА НЕИЗВЕСТНАЯ
АЛХИМИЯ

Джаммария

Эта неизвестная Алхимия

«Терра Фолиата»

УДК 7.01
ББК 87.8

Джаммария

Эта неизвестная Алхимия / Джаммария — «Терра Фолиата»,

ISBN 987-5-87456-838-2

Генуэзец Джаммария Гонелла – наследник знаменитой неаполитанской магико-алхимической традиции, чьи корни уходят вглубь веков. С ранних лет Джаммария, чье имя стало носителем его судьбы и литературным псевдонимом, посвятил себя изысканиям в области герметических наук. Встреча с бароном Риччъярдо Риччярделли (товарищем и последователем легендарного Джулиано Креммерца) позволила обрести ему бесценные ключи к алхимическому знанию и основать таинственный Корпус Равных, объединение ревнителей и исследователей Царского Искусства. Перу Джаммарии принадлежит ряд книг; одна из них, кою вы сейчас держите в руках, является превосходным введением в теорию и практику алхимического Магистерия и была удостоена награды министерства культуры Италии. Читатель узнает из неё об особенностях шествия по Пути Знания и Могущества, о смерти и бессмертии, о роли учителя в Священной Науке, о магии и алхимии, о герметических загадках и пророческих сновидениях, встретится с божествами, нуменами и героями, сумеет заглянуть за кулисы алхимических лабораторий и храмов тайных обществ. Труд Джаммарии станет настоящим путеводителем для того, кто осмелится отправиться в полное приключений странствие по загадочной и неизведанной стране Алхимии. Книга переведена на русский язык другом автора, известным исследователем герметики Глебом Бутузовым.

УДК 7.01
ББК 87.8

ISBN 987-5-87456-838-2

© Джаммария
© Терра Фолиата

Содержание

Лук и верёвка	8
Введение	18
I. Герметизм	21
II. Алхимия	24
III. Изготовление золота	28
IV. Герметико-алхимическое сознание	31
V. Авторы[58]	34
VI. Свидетельства и загадки	39
VII. Магическая дверь	43
VIII. Алхимия и искусство	46
IX. Бог и Алхимия	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Джаммария

Эта неизвестная Алхимия

- © Giammaria. Alchimia Questa Sconosciuta. Bergamo, 1996.
- © Building Financial Consultants di Pier Riccardo Torri & C. sas., 1996
- © Глеб Бутузов, перевод с итальянского, 2011
- © TERRA FOLIATA, издание на русском языке, 2011

* * *

Дхаммария
**ЭТА НЕИЗВЕСТНАЯ
А Л Х И М И Я**

МОСКВА
ВОРОНЕЖ
2011

Лук и верёвка

Предисловие переводчика

В Доломитовых Альпах, включённых ЮНЕСКО в список природных чудес света, есть известный скальный маршрут Гонелла. Однако вряд ли кто-то из альпинистов, покоряющих Альпы в этом месте сегодня, знает, что проложил его много лет назад лигурийский алхимик, доктор юридических наук Джаммария Гонелла.

Джаммария, чьё настоящее имя стало также его литературным псевдонимом, родился 28 января 1925 года в Генуе, лигурийском портовом городе, который он всегда считал своим домом и в который всегда возвращался из путешествий. Будучи юристом по образованию и профессии, обеспечивавшей ему средства к существованию, урождённый патриций Триеста Гонелла за свою долгую и полную приключений жизнь успел достичь мастерства в стрельбе из лука, альпинизме, игре в теннис, пении, бальных танцах, абстрактной живописи и восточных единоборствах. В 1943 году, когда ему исполнилось восемнадцать, Джаммария принял решение идти добровольцем на фронт; благодаря силе, высокому росту и благородной внешности он был принят в *берсальеры*, или бывшую Королевскую Гвардию, – элитные войска, в составе которых он принимал участие в военных действиях на севере Италии; ещё совсем недавно, будучи пенсионером с почти двадцатилетним стажем, он занимался скайдайвингом и продолжал покорять сложные скальные маршруты. Простой перечень достижений в различных областях человеческой деятельности, которыми был отмечен его путь в промежутке, составляет несколько убогих страниц; однако, эти страницы – благодатное поле для *биографа*, а всякая биография, согласно убеждениям Джаммарии, всего лишь достояние деревянной куклы, *буратино*, каковая сделана из мяса, костей и общественных масок. Наше подлинное Я, сокрытое в тайнике пещеры человеческого сердца, божественно и бессмертно, – это *нумен*, облачённый в лохмотья анаграфического; его «нам» предстоит открыть в себе – либо же навсегда раствориться в небытии вместе с брэнной оболочкой сломанного буратино.

Образ алхимика Джаммарии, путника без фамилии и биографии, начал проступать из дымки в послевоенные годы, когда студент Гонелла, изучавший в столице классическое право, а также латынь, иврит и арабский, познакомился с бароном Ричьярдо Ричьярделли, известным среди членов пифагорейских школ и «кружков Вергилия» как Марко Даффи (итальянизированная форма имени даймона *Murkuhekhdaph*, которого воплощал барон). В течение многих лет Джаммария и Марко Даффи регулярно встречались в Риме; друг и последователь Джулиано Креммерца, барон Ричьярделли был самостоятельным герметическим философом и магом, которого основатель и глава Братства Мириам называл «мастером» (этого звания он удостоил за свою жизнь только ещё одного человека, своего формального преемника Джованни Бонабитаколу). Рок, преследовавший Братство с момента его основания, в конечном итоге не позволил ни одному из его воспитанников, начавших путь с ученичества, достигнуть вершины мастерства; и Ричьярделли, и Бонабитакола, как признал Креммерц в частном письме к Марко Даффи, были мастерами в своём собственном праве, вне формальных рамок Братства и не благодаря ему.

Берсальер Джаммария Гонелла на фронте

Вскоре после окончания Второй Мировой войны Марко Даффи организовал свою собственную группу в Риме. Сначала она называлась «Цепь Андромеды» или «Орден Амзур», а в 1962 году стала именоваться «Кольцо Плеяд» (эти символические места были обителью *Mörköhekdaþr*: первое – его герметической Землём, второе – Небом). Джаммария, будучи самостоятельным герметиком, много лет выступал в роли редактора и комментатора Марко Даффи; именно благодаря ему работы этого в высшей степени оригинального итальянского мастера стали доступны нам. Сам Марко Даффи никогда не относился к молодому адвокату как к ученику и всегда разговаривал с ним на равных; Джаммария в силу не только независимости своего мировоззрения и понимания герметизма, но и благодаря природным данным, характеру и энергетике в принципе не мог быть последователем, «рядовым членом группы», «делать карьеру» в области эзотерического (как, например, Бонабитакола), занимать место в иерархии, получать звания, иметь «начальство» и «подчинённых»; в этом смысле его как личность можно поставить рядом с бароном Юлиусом Эволой, который тоже никогда не мог (и не хотел) «вписаться» в какую бы то ни было организацию и всю жизнь выступал в роли, так сказать, «интеллектуального маяка» для многих эзотерических групп и «кружков», каковые с его помощью и при его посредничестве формулировали свои доктрины и представляли их публике, но не были способны «вобрать» Эволю в себя, сделать его своей частью: напротив, это *он* сделал их

частью собственного пути, этапом Делания. При этом, как и Эвола, Джаммария никогда не был одиночкой, отгородившимся от людей аскетом или общественной маской, за которой он осуществлял бы внутренний путь, совершаемый в гордом безмолвии. Более того, Джаммария воплотил в жизнь новую неформальную модель герметического сообщества, отличную от «Ур» и «Крур», хотя и следовавшую тем же ориентирам. Группа, организованная им в 1965 году, называлась *Il Corpo dei Pari* (*Корпус Равных*) и была построена на принципах, которые позволяли наиболее адекватно реализовать герметическую парадигму в условиях второй половины двадцатого века, и, – как мне кажется, – вполне актуальны и сейчас.

Как отмечали многие авторы (в частности, Рене Генон), любая конкретная традиционная форма отражает особенности той точки цикла манифестации, где она зарождается, и каждое такое новое рождение является необходимой и обусловленной космическими факторами мутацией Традиции, адаптирующейся к иным историческим условиям. Традиция как трансцендентный принцип вечна, но формы традиционных учений темпоральны. «Всякий раз, когда *дхарма* приходит в упадок, я заново воплощаюсь», – говорит Кришна в четвёртой главе *Бхагавад-Гиты*; «никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвёт мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут; но вино молодое надобно вливать в мехи новые», – говорит ученикам Иисус¹. В результате исторических катаклизмов XX века, приведших к разрушению общественного устройства, опирающегося на принципы традиционной иерархии, и к провалу попыток возрождения такого общества, традиционные иерархические принципы – в приложении как к национальному государству и расе, так и к личности, – не только оказались «скомпрометированы в глазах общественности», но на гораздо более глубоком уровне, который ощущают лишь те, кто живёт и мыслит в традиционной парадигме, утратили силу *дхармы* и превратились в скорлупу, каковую теперь с лёгкостью наполняют чем угодно, но коя более не содержит в себе магической силы, поскольку Дух покинул её.

Современные маги, руководители и организаторы эзотерических групп, во многих случаях объявляющие себя духовными наследниками великих магов прошлого и претендующие на «прямую линию передачи», даже когда это соответствует действительности, продолжают строить взаимоотношения в группах на основе того же подгнившего каркаса орденов былых времён, они пытаются влить своё вино в старые мехи духовной иерархии, не принимая во внимание тот факт, что будущее таких организаций, как в зеркале, отражается в судьбе масонства, и что такое же блёклое существование будет их уделом, если вино это выдохлось; если же оно молодо и сильно, то прорвёт мехи и вытечет наружу, чему лучшим примером служит история *Братства Мириам*.

¹ Мк. 2:22

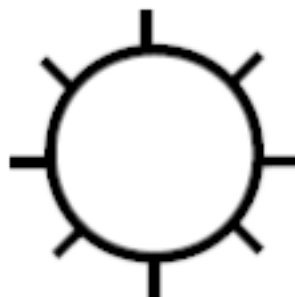
Марко Даффи и Джаммария

20-го января 1967 года в генуэзской газете *Il Lavoro* появилась статья под названием «Посмотрим, понял ли кто-нибудь стихотворение-манифест». Дело в том, что за несколько дней до этого на улицах Генуи и итальянской Ривьеры стали появляться листовки, расклеенные на заборах, столбах и стенах домов. Листовки были озаглавлены «Стихотворение» и содержали следующий текст, напечатанный на ярко-красном фоне:

***СЕМЬ вместо ДВЕНАДЦАТИ
ЕДИНИЦА означала ЧЕТЫРЕ
Побеждённые, рассеянные, сбежавшие,
им
не известен
Путь Посвящённых!***

*Эти же –
завоёванный Сан –
не Мистики более,
но Адепты,
посвящённые в Магистерий,
они сбрасывают Маску,
и
Ясные лица,
Увлажнённые Солнцем,
Отражаются в Великом Зеркале!*

*День придёт,
когда они узнают
единый лик,
отражённый
во многих Зеркалах!*

Репортёр сообщал, что никому не известны ни мотивы распространения этих листовок, ни скрытый в них смысл. «Общее число отпечатанных копий не превышает сотни, однако, как подтверждают карабинеры и городская полиция, начатое в Лигурии расследование демонстрирует, что эта акция вызвала булший общественный интерес, чем можно было бы ожидать и от тысячи листовок», – говорилось в статье. Расследование закончилось ничем; в типографии, где было отпечатано «Стихотворение», дали словесное описание пожилого господина, принёсшего текст и деньги, однако его разыскать так и не удалось (адрес на визитке оказался фальшивым). Это событие, правда о котором была раскрыта день в день 20 лет спустя, ознаменовало начало деятельности группы Джаммарии, впоследствии задокументированной в сборнике *О деяниях Корпуса Равных*², а также в книге одного из участников под знаменательным названием *Истина в вине*³. Не будет слишком большой натяжкой увидеть здесь определённую параллель с событиями 1607-1616 гг. в Германии и публикацией двух манифестов *Fama Fraternitatis* и *Confessio Fraternitatis*, положивших начало розенкрейцеровской эпопее в истории европейской мысли. Герметические идеи должны быть представлены герметическим образом: в самом акте публичной демонстрации герметично закупоренного объекта, *философского яйца*, непроницаемого для профанного взгляда, – будь то картина, стихотворение или кинофильм – заложена возможность *проникновения* в область герметического, возможность преодоления зрителем мурака обыденности и порождения нового крылатого «я» при соблюдении правильного температурного режима.

² *Dagli Atti del Corpo dei Pari.* – Amenotthes, Genova, 2006.

³ *In Vino Veritas.* – Circolo Culturale Il Convivio, Bologna, 1993.

Группу искателей, которых Джаммария объединил под именем *Корпус Равных*, нельзя назвать «эзотерической организацией» в общепринятом смысле. Само слово «равные» вполне ясно даёт понять, что участники группы не образуют никакой привычной иерархии, жёстко регламентированной организационной структуры, в ней нет «градусов» и «степеней», «мастеров» и «подмастерьей». Однако такое состояние дел ни в коем случае не должно считать «хаосом» или «сборищем» – совсем напротив. «Каждый Равный – актёр, и все остальные по отношению к нему – статисты. Из этого следует, что внутри Корпуса каждый Равный является исполнителем драмы, трагедии или комедии, а иногда и фарса»⁴. Стоит также помнить, что «Корпус – это резонатор для Голоса»⁵, – той песни Единого, которая становится слышнее, резонируя в *теле* из гармонично соединённых душ. И, если продолжить музыкальную аналогию, наиболее точно *Корпус Равных* можно охарактеризовать как *консорт*; в период Ренессанса так называли небольшой инструментальный ансамбль, в котором, «в отличие от большого оркестра, гармоничность исполнения определялась не работой дирижёра, но максимальной сосредоточенностью и сердечностью (в смысле способности улавливать значимость внутренних мотивов другого) составляющих его индивидуумов»⁶.

⁴ *Dagli Atti del Corpo dei Pari*, I, p. 11.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*, p. 12.

Дхаммария за занятиями альпинизмом

У Дхаммарии нет «учеников» или «последователей» в том смысле, как это понимается участниками масонских или подобных иерархических организаций, хотя в какой-то степени его можно назвать главой «школы», если под таковой разуместь стремление освободить искусство Алхимии от всех посторонних культурных, доктринальных и прикладных коннотаций и вывести его из сферы формальной активности «эзотерических групп» в область индивидуального, внутреннего необусловленного итинерария, следование которому занимает всё время жизни, имеющееся в распоряжении оператора, включая сон. Всякий, кто готов понять и при-

нять такое видение Царского Искусства, кто готов ступить на Путь под знаком неизвестности в полном одиночестве, взяв на себя всю ответственность за успех или неуспех предприятия, может именовать себя последователем Джаммарии.

Джаммария в 90-е годы прошлого века

Как говорит сам автор в предисловии к предлагаемой вашему вниманию книге, он не смог найти ни одной справочной или обзорной работы, игравшей бы роль формального «введения» в Алхимию, которая эксплицитно очерчивала бы основные доктринальные контуры этого пути, его фактическую историю и сущностные отличия от других сходных путей спасения и освобождения. По этой причине он взялся за написание такой книги сам, в итоге решив

сию задачу с успехом (*Эта неизвестная Алхимия* была удостоена специальной премии министерства культуры Италии и выдержала два издания), притом в соответствии с *Zeitgeist* и теми требованиями, которые время предъявляет к языку и культурным коннотациям подобной пропедевтики. *Введение* в эзотерическую дисциплину – как и во всякую другую – не может быть написано в терминах самой дисциплины, поскольку её имажинариум (в данном случае алхимический) понятен только алхимикам, то есть тем, кто уже пребывает *внутри* сферы герметической мысли; введение же предназначено для тех, кто находится снаружи, – стоит – у входа в неё или же не может таковой найти. В качестве терминологического и образного инструментария Джаммария использует язык современной физики, психологии, нейрофизиологии и других наук; говоря об истории герметизма, он не выходит за пределы набора документально подтверждённых фактов, таким образом избавляя себя от необходимости аргументации в той области, которая приватизирована современной наукой, и каковая аргументация уводила бы в сторону от главной линии произведения; при этом текст содержит два десятка диаграмм, использующих планетарные символы и геометрические репрезентации герметических идей, а также краткий алхимический тезаурус.

Важную часть данной работы составляет негативное описание Алхимии, то есть разбор её «разновидностей», которые по сути ею не являются. Ни индийская, ни китайская «алхимия» не могут быть названы восточными эквивалентами греко-египетской Алхимии (или, тем более, её предшественниками), это различные пути как в доктринальном, так и в практическом отношении, к которым сам термин «алхимия» применим лишь на основании сложившейся привычки. В силу исторических и культурных обстоятельств этот европейский (и быть может, единственный аутентичный европейский) путь Освобождения претерпел значительные искажения и контаминацию со стороны сходных (в отношении цели, а зачастую лишь символического языка) доктрин; ложная интерпретация данного учения стала общим местом и чуть ли не «хорошим тоном» как для современных представителей науки, так и для разного рода «духовных школ». Работа Джаммарии в значительной мере возвращает Алхимии её изначальный смысл в глазах современного европейского читателя, каковой она никогда не теряла для тех, кем написаны подлинные герметические трактаты и кому они в реальности предназначены. На мой взгляд, есть нечто символическое и весьма важное в том, что первым иностранным языком, на который переведено это произведение, стал русский, – язык народа, сохранившего в своей душе то изначальное *золото*, без коего невозможно достичь успеха в великом искусстве Алхимии, какими бы хитроумными практиками ни пользовались его восточные апологеты.

В заключение своего краткого предисловия переводчика я хочу привести слова самого Джаммарии, обращённые к русской публике: «Приглашаю тебя, русский читатель, к знакомству с алхимическим Герметизмом, – Путём, который среди других путей наиболее созвучен твоей природе. В отличие от японцев, ты не создан для дзен, не для тебя истинная йога, соответствующая восточному уму и восточному жизненному пространству, не для тебя суфизм, прерогатива исламского мира, тебе ни к чему иудейская каббала, чуждая европейскому духу. Алхимический Герметизм может помочь тебе, русский читатель, выйти за пределы мистицизма, характерного для твоей славянской души, коя остаётся европейской, и осознать, что, обладая этим *золотом*, ты способен сделать Золото, если говорить языком Алхимии, языком Золотого Искусства...

Читая и перечитывая тексты алхимического Герметизма, ты сможешь научиться, говоря «я», не отождествлять себя со своей анаграфической персоной. Постепенно, через книги⁷, в тебе начнёт прорасти осознание себя как Нумена, как внутреннего божества. И когда наступит твоя физическая смерть, окончание биографии, в тебе просто умрёт та марионетка, которой ты был в миру, – каковой являюсь и я, и все мы здесь...»

⁷ Джаммария говорит не о профанном чтении, а о *legere* как составной части алхимического Делания.

Глеб Бутузов

Введение

*В память о предсказании Мишель Марфен,⁸ согласно которому
утешением для меня станет возвращение в землю*

Решение всецело посвятить себя алхимическому поиску созрело у меня постепенно в 1945-1950 годах. В этот период мои познания в области Алхимии были зачаточными и туманными; в то же время я оказался абсолютно не подготовлен к встрече с метафорическими и символическими канонами оперативной работы, смысл жаргона каковой от меня ускользал.

Именно в таких затруднительных обстоятельствах в 1949 году мне представился случай встретиться с человеком, известным в герметических кругах как Марко Даффи, а также выдалась редкая удача видеться с ним регулярно в течение десяти лет и, позднее, в той или иной степени поддерживать отношения.

Это была удача в буквальном смысле слова, поскольку я получил возможность посредством прилежания и настойчивости в данной области, в ходе глубоких размышлений и плодотворных медитаций, через некоторое время освоиться и почувствовать себя комфортно в сфере алхимической литературы, получив необходимые ключи, чему содействовали личные отношения. Кроме того, это позволило мне разобраться в алхимическом наследии в плане его аутентичности, а также подлинности авторов; будучи поначалу совершенным невеждой в вопросе лексики, к моему удовлетворению, мне удалось в конечном итоге составить словарь,⁹ предварительно, в ходе многих лет труда, подготовив компендиум всего учения,¹⁰ имеющий ценность в качестве пропедевтики пути, а также, вдобавок к ним, текст, который можно расценивать как систему, относящуюся к технике специфического «внимания» в области материи.¹¹

Следует, однако, отметить, что всё больший интерес проявляется к тем исследованиям Алхимии, кои касаются её экзегетики, а также исторического и анекдотического аспектов, начиная от истоков и вплоть до сегодняшнего дня, и каковые исследования можно было бы использовать в качестве справочного пособия, пусть и самого общего характера.

Таким образом, поскольку мне не удалось найти ничего достойного в этой категории текстов, я взялся за написание собственной книги. Результатом явилась работа, которая в какой-то степени приподнимает завесу над эзотерической частью Алхимии, или, иначе говоря, пронизывает её профанный аспект, позволяя смутно различить в глубине то сакрально-эзотерическое (в буквальном смысле), кое «соседствует с божественным».

Я говорю об эзотерическом в том доктринальном смысле, что лежит за пределами слов (ср. у Лукиана Самосатского, II в. н. э., а также Климента Александрийского и Оригена, III в.); фактически, подлинный смысл алхимических высказываний, будь то устные, либо письменные, остаётся скрытым (окультным),¹² или же «мистическим» (см. Болос Мендесский, III–II вв. до н. э.), то есть таинственным.¹³ Стоит заметить, что «окультное» в Алхимии не имеет ничего общего с «окультистским» образца XIX в. (см. Леви и Папюс).

Из данной книги с очевидностью следует, что Алхимия, рождённая на Западе в результате столкновения эллинистического и египетского мышления, как путь представляет собой качественный скачок от исторического к метаисторическому, от анаграфического к архетипи-

⁸ Подруга жены автора Аури Камполонги, астролог. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика.

⁹ Giammaria, *Dizionario Ermeticoalchimico*, Editrice Kemi, Milano, 1996.

¹⁰ Giammaria, *Compendio di Ermetica*, Editrice Kemi, Milano, 1980.

¹¹ Giammaria, *Il Libro di AK Z UR*.

¹² От лат. *occultus*.

¹³ От гр. *μυφύοισιν*.

ческому, оставаясь при этом чуждой тому стремлению, – если не сказать одержимости, – к продлению срока земного существования, которое характерно для раннего периода распространения сего учения на Востоке.

Возможно, поиски «долгой жизни», присущие религиям Дальнего и Ближнего Востока, объясняются теми взглядами, следы которых можно найти в наиболее древних текстах, и согласно которым смерть нельзя отодвигать до бесконечности: рано или поздно она всё равно настигнет, и её воздействие будет радикальным. Идея бессмертия как преодоления смерти в культуре семитских народов, жителей Месопотамии, Индии и Китая является поздней, причём:

а) в библейский период формирования Израиля и его веры ни у кого не вызывал сомнения тот факт, что смерть есть окончательный итог, который оставляет человеку лишь возможность сохраниться в памяти;

б) в Новом Завете бессмертие представлено как прерогатива Бога (см. 1 Тим. 6:16), поскольку по причине греховности смерть естественным образом сопутствует человеку, его «телу и душе», за исключением случая, когда он обладает «верой в Иисуса Христа»;

в) в Месопотамии нельзя найти ни малейших следов верований, будто нечто может уцелеть после смерти (по этой же причине там не проводилось и бальзамирование);

г) в первых Ведах слово *ameta* не относилось к бессмертию, но означало отодвигание смерти, и обретение бессмертия (*ametat-va*) признавалось возможным и способным оправдать надежды... лишь «в детях»! Только в *Бхагавад-Гите* и Упанишадах появляется идея посмертного воздаяния;

д) в добуддистском Китае люди молились о ниспослании долгой жизни (*шю*), и возможность бессмертия не была им известна как минимум до V–IV вв. до н. э.

Концепция бессмертия человеческого существа, ещё ранее, чем в древнегреческой мысли (см. Платон), присутствовала в культуре Египта; правда, изначально как привилегия фараонов (см. Тексты Пирамид V и VI династий – 2500 лет до н. э.), и лишь затем, среди эпигонов Великой Империи, *pro omnibus*.¹⁴

В египетском понимании, точно так же, как человек при рождении переходит границу иного мира, так и после смерти он становится «новорождённым», имея возможность за её порогом управлять своим становлением (ср. «температурный барьер», за которым не действует физика), каковое представляется как путь к состоянию, для коего «открыты все возможности» (ср. физический вакуум).

В русле этих рассуждений есть все основания считать Алхимию (как и Магию, впрочем) духовной наследницей *Книги Мёртвых*, текста, чьи наиболее древние фрагменты, относящиеся примерно к XX в. до н. э. (XI династия), никогда не были зафиксированы письменно, что имело место лишь в VII–VI вв. до н. э.

Алхимия и Магия суть две оперативные формы одного и того же *Weltanschauung*,¹⁵ наличие согласия между которыми отмечал ещё алхимик Зосима в 300 г., поскольку обе предоставляют человеку возможность избежать фатума: одна (Магия) при помощи силы,¹⁶ другая (Алхимия) – путём познания.

Наконец, возвращаясь к нашей книге, следует сказать, что она являет собой текст, имеющий шанс стать источником правдивой информации об алхимическом процессе, который не даст читателю заблудиться, поддавшись академическим спекуляциям о «единстве природы» последнего. Иначе говоря, человеческое существо представляет собой поле, где герметический

¹⁴ Для всех (лат.).

¹⁵ Мировоззрение (нем.).

¹⁶ Итальянское слово *potere* означает также власть и могущество; в то же время русское слово «сила» в данном контексте должно восприниматься свободным от физических коннотаций (каковым соответствует *forza*).

Меркурий отражается, живёт, грезит и думает с целью познать себя... хватаясь за собственный хвост (вспомним Уробороса). Алхимия родилась и существует как инициатический Путь, чисто духовный (в современном смысле слова как антитезы современного же понимания материального) и чуждый любых химико-металлургических импликаций – кроме символических, – хотя и сохраняющий при этом определённую гибкость жестикуляции.¹⁷

Пытливый читатель, равно как и сторонник Алхимии, и, в значительной степени, тот, кто чувствует призвание к оперативной деятельности, чтобы избежать риска, следуя обманчивыми тропами, должен иметь в виду, что субстанции Делания, то есть лабораторные материалы и инструменты, совершенно точно соответствуют инструментарию и материалам ритуальной магии, каковые суть круг, жезл, кинжал, чаша, алтарь, храм и т. д. При этом, также как и в случае Магии, они не являются необходимыми и выполняют вспомогательную функцию.

Заниматься алхимией, чтобы сделать золото, всё равно, что заниматься Магией с целью чем-то «овладеть»... Это не имеет отношение к инициации.

Джаммария

Если ты спросишь меня, в чём состоит Великое Делание, лучшим ответом будет, если я скажу, что оно заключается в деидентификации от анаграфического, в отождествлении Единого со Всем и Всего с Единым, или, если хочешь, в аннулировании биографического путём осознания универсального архетипического в человеке...

Но, быть может, ещё труднее познать себя.

¹⁷ «Жестом» многие герметические авторы называют внешнюю активность, используемую в ходе внутренней реализации.

I. Герметизм

*Зеркало – инструмент познания, поскольку, смотрясь в него, можно увидеть себя;
однако оно также инструмент иллюзий, ибо, пользуясь им, видишь отражение.*

Герметизм, или Герметическая Философия, по существу является внутренней доктринальной областью культуры, которая вдохновляет и ин-формирует, с одной стороны, Алхимию, а с другой – Магизм (то есть ренессансную Магию и её версию XIX столетия, нашедшую также продолжение в веке XX-м).

Алхимия и Магизм, таким образом, суть два аспекта теоретического и философского Герметизма, каковой они представляют как две оперативные разновидности, две стороны одной медали; этим сторонам соответствуют фигуры и схемы «человека знания» и «человека силы», – хотя, в конечном итоге знание и сила сливаются воедино. Фактически, речь идёт о том, что Принцип (всех принципов), который есть Единая Вещь, *Res Simplex*,¹⁸ *Unicum*,¹⁹ если пользоваться алхимическими выражениями для той Единой Вещи, из которой происходят все вещи, включая Человека, может быть представлен иначе, если прибегнуть к языку, принятому в современной научной среде; этот Принцип может быть представлен как Единое Поле или как все взаимосвязи за пределами времени и пространства, которые изначально определяют пространство и время и которые порождают всякую структуру и всякую функцию, и за чьим порогом утрачивает реальность любая дихотомия (материя – энергия, корпускула – волна и т. д.).

Само по себе это Пустота (Алхимический Вакуум), обладающая возможностью всей полноты, причём Вселенная является её манифестацией, определяемой взаимными влияниями связей между субполями, понимаемыми как пертурбации данного единого всеобъемлющего поля манифестаций или, если угодно, как линии напряжённости в пространстве-времени.

Такая Пустота или Единое Поле, к которому, как к Принципу, сводятся все взаимодействия и законы Вселенной (включая Человека), и которая служит опорой для Вселенной, поскольку последняя состоит из этой пустоты, сама по себе очевидным образом является неопределимой и, соответственно, неопишуемой, то есть, – выражаясь исключительно в апофатических терминах или негативно, – она безлична и бессознательна, но выступает в качестве творца всякого индивидуального сознания. С другой стороны, вполне можно принять, что Принцип находит наиболее совершенный способ выражения в человеческом существе, говоря языком алхимиков, посредством *cerebrum*,²⁰ каковой не идентифицируется с мозгом в повседневном понимании, но в определённом смысле предвосхищает «мокрый ум»²¹ современной науки.

Мозг, как обычно принято считать, в подобной перспективе является подлинным оплотом эффективности или же носителем, рупором и главным процессором силы (способности к действию) и знания (обладания информацией), берущих начало в Едином Поле.

¹⁸ Неделимая вещь (лат.).

¹⁹ Единственное (лат.).

²⁰ Мозг (лат.).

²¹ Эквивалент английского термина *wet brain*, возникшего относительно недавно (в середине 1990-х) и ознаменовавшего новый подход в науке о мозге. Этимологически он представляет собой метаморфозу компьютерных терминов *hardware* («железо») и *software* (программное обеспечение, «компьютерный газ»), между которыми был проложен «третий путь», названный *wetware*. Под «мокрым умом» понимается мозг не как анатомический орган и не как сознание, но как когнитивная функция.

Это Единое Поле, если продолжить дальше пользоваться данной фигурой речи, фактически диффундирует во все структуры, как Первопринцип обеспечивая их субстанциональность в точном смысле сего слова (от *sub* = под и *stare* = оставаться неизменным), каковая субстанциональность определяет возможность осуществления функций.

Указанное осуществление имеет место не только в порядке взаимодействий, но также ещё и в порядке сообщений, передаваемых этими взаимодействиями, так что порядок всеобщей манифестации оказывается связан со специфическими сообщениями, которые несут информацию о составляющих всякой вещи, почему она такова, какова она есть, и почему она не другая. В конечном итоге это Сила, пронизывающая Природу, единый диффузный Интеллект, называемый в Алхимии *Lumen Naturae*,²² высшей точкой какового в человеческом существе является *Lumen de Lumine*,²³ или сознание, – завершение Единого Поля, также понимаемого как Единый Ум.

Исходя из этого, можно уяснить, почему Единый Ум не является вещью и не может служить объектом перцепции; его природа – познавать, а не быть познанным. Однако человек лишь в минимальной степени осознаёт возможности *cerebrum*, который в большей своей части остаётся пассивным и незадействованным (хотя по присущим ему природным потенциям выражает – в рамках Природы – Пустоту, чреватую любой полнотой), и, если его нельзя буквально назвать безголосым глашатаем и сломанным компьютером, то он, всё же, представляет собой весьма убогую версию их полноценного воплощения.

Итак, человек знания и человек силы, посредством соответственно различных оперативных приёмов, добиваются реализации определённой возможности, ясно осознавая, что люди субстанциально сделаны из той же глины, из той же *Materia Prima*,²⁴ из которой создана Вселенная, то есть из той Единой Вещи, коя снабжает субстанцией и ин-формирует человеческое существо и его мысли, каковые сами являются частью природного творения, повседневной реальности; они сами суть Природа. Иными словами, человек как субъект познания и субъект силы не находится за пределами *Una Res*,²⁵ напротив, он – дверь, посредством которой «волновые функции» приходят к коллапсу, или – в позитивном смысле, – посредством которой осуществляется возможность Единого Поля.

Учитывая вышесказанное, становится понятно, что говорить «Единое Поле» – то же, что говорить «Бог», или «Единый Ум», или «Великий Дух», или «Абстрактное».

Точно так же, как глаза не находятся за пределами мира, который видят, так и человек, то есть человеческий ум, не выходит за рамки реальности, каковую он воспринимает, притом я говорю «человеческий ум», поскольку Единый Ум – употребляя этот термин в наиболее типичном значении, как «первичная реальность», – выступает по отношению к феномену творения в такой же роли, что и сновидец по отношению к сновидению и населяющим его образам.

Проблематика оперативной деятельности в области алхимического Герметизма и магического Герметизма как инициатических путей состоит в использовании *non plus ultra*²⁶ природной манифестации, кое есть знание себя (или сознание), понимаемое как напряжённость Первопринципа в порядке той же манифестации, с целью придти к осознанию себя в микрокосме ® осознанию себя как посредника, взаимодействующего с макрокосмом ® осознанию себя как мира (читай Универсума).

По этой причине Алхимия (как путь познания) и Магия (как путь силы) являются техниками жизни, превращающими её в Путь Единения, согласно канону, который известен как

²² Свет Природы (лат.).

²³ Свет Света (лат.).

²⁴ Первоматерия (лат.).

²⁵ Единая вещь (лат.).

²⁶ Крайняя степень чего-либо (лат.).

Герметизм и который, исторически, отсылает к категории текстов II и III вв., восходящей к греко-римскому Египту не позднее II в. до н. э., если не к ещё более древней египетской мысли.

Прежде, чем закончить этот дискурс, необходимо отметить следующее:

а) в Герметике Принцип в момент акта вселенской манифестации называется Телесма и понимается как «мысль», однако не как мысль мыслимая, но, если так можно сказать, мысль мыслящая, то есть как таковая она неопределима, неопишима, непознаваема, поскольку выступает в качестве принципа всякого определения, описания и познания. В целом, она обладает характеристиками Единого Поля, а точнее, их отсутствием в силу природы «физического вакуума»; она такова, что позволяет некоторым учёным прийти в результате философских рассуждений к выводу, что «всё есть мысль». Следовательно, субстанция каждой вещи заключается в бытии мыслимой, в то время как первая и последняя среди мыслимых вещей есть Мир (включая Человека), что в конечном счёте представляет собой феномен проявления себя как иного... в Мысли.

Телесма в процессе действия называется Великим Магическим Агентом.

б) в Алхимии Принцип называется «Первоматерией Делания» (не путать с *Materia Prima*),²⁷ что есть в самом прямом и точном смысле «Хаос» (как его часто и нарекают), каковой находится также в глубинах человека, почему ещё зовётся *Mysterium Magnum*.²⁸ По-другому его именуют Меркурием, поскольку это энергия в действии (сила), из которой и посредством которой осуществляется материальная манифестация, когда материи присущ – под именем Гермеса – Интеллект и, таким образом, осознанность (то есть способность принимать информацию).

В Меркурии как принципе то, что есть в потенции, имеет продолжение в действии; иными словами, Меркурий как «Может» продолжается как «Есть». Вот почему в герметическом, алхимическом или магическом *Weltanschauung* точка назначения манифестации Принципа, итог Принципа в его проявлении, есть обретение сознания «Единого во Всём и Всего в Едином», что в ряду герметических образов представлено Уроборосом или змеей, пожирающей собственный хвост. Этот символ имеет своего предшественника в египетской иконографии (см. сходное изображение змеи во втором сундуке гробницы Тутанхамона); такой же смысл заключается в символе змеи Мехен со многими кольцами (см. *Книга Ам-Дуат, О Запредельном*, или *Книга Преисподней*).

Существует также вариант данной фигуры из двух змей, которые соединяются ртами и хвостами в виде окружности, что является символом ссылки на самое себя.

²⁷ Согласно некоторым авторам (например, А. Пернети), в этих терминах алхимической Первоматерии Делания соответствует *Materia Secunda* герметической философии.

²⁸ Великая Тайна (лат.).

II. Алхимия

*Множественность «бессмертных» невозможна, поскольку
Совершенное Единство состоит в осознании своего бытия как Единого.*

Термин «Алхимия» пришёл к нам из арабского языка; в нём *al* служит префиксом, в то время как слово *kimiya* может быть связано с древнегреческим корнем *cheein*²⁹ в значении «лить», от которого происходит *skytia*;³⁰ однако в Греции существовала также форма *chemia* или *chemeia*,³¹ поэтому остаётся всё же неясным, каким именно было исходное выражение – *skytia* или *chemeia*.

С другой стороны, можно также установить связь слова *kimiya* с египетским *km* – глаголом, означающим «приводить к завершению», – или с древней (2000 лет до н. э.) версией *kmjit*, или, что вероятнее, с контаминацией *chem* (от *kmt* – «чёрный»). Действительно, египтяне называли долину Нила Кеми («чёрная») из-за тёмного цвета речного ила, который контрастировал с красным цветом пустыни (*kashet*); по этой причине они именовали себя Ремту Кеми, то есть «люди чёрной (земли)», чтобы отличаться от Хазетиу, кочевников пустыни.

Таким образом, слово «Алхимия» (где *al* является определённым артиклем) может означать «(доктрина и практика), что выводит из чёрной (земли)», то есть из Египта.

Хорошо известно, что в арабском языке вокабула *kimiya* первоначально использовалась недифференцированно для именования как субстанции, так и искусства, и лишь позднее его стали употреблять преимущественно во втором упомянутом смысле, предоставив синониму *iksir* обозначать субстанцию (откуда происходит «эликсир» – *el iksir*).

Тема алхимического эликсира отсылает к Роджеру Бэкону (XIII в.), францисканскому монаху, заключённому в тюрьму за свои занятия алхимией в Оксфорде. Ему мы обязаны идеей «продления жизни» – в рамках учения весьма эксцентричной, следует отметить, – в свою очередь, породившей понятие «эликсира долголетия», характерное для Алхимии XIV–XV вв.

Очень возможно, если и не вполне достоверно, что Бэкон (каковому приписывают авторство *Speculum Alchimiae*)³² перенял эту идею у миссионеров, вернувшихся из стран Дальнего Востока. Те же столкнулись с ней в китайской *спагирии*, для последователей которой поиск «напитка бессмертия» (см. *ней-дань*)³³ был центральным мотивом учения; с другой стороны, в даосской доктрине упоминается «пилюля бессмертия», представляющая собой аналогичное «лекарство» в уплотнённом виде.

Говоря откровенно, столь многочисленные и разнородные упоминания оставляют открытым вопрос об этимологии и семантике слова «Алхимия», произношение которого, всё же, сомнений не вызывает: ударение должно падать на второй слог,³⁴ что подтверждают также Данте (см. «Ад», XXIX, 1191-120), д'Аннунцио, Панцини и др. Грубой ошибкой, однако, является использование прилагательного с корнем *alchem-*³⁵ вместо *alchim-*, то есть той формы, что происходит от слова «Алхимия». Это последнее, кстати, впервые было эксплицитно употреб-

²⁹ Имеется в виду *чэиц* как форма *чЭц*.

³⁰ Литьё, расплавленный металл (*чэмб*).

³¹ От *чзмеЯб* (наука химия).

³² *Зеркало Алхимии* (Лондон, 1541).

³³ Очевидно, автор всё же имеет в виду традицию *вай-дань*, спагирию в собственном смысле слова, для которой были характерны поиски *бу-сы-чжи-яо*, «эликсира бессмертия». *Ней-дань* является китайской школой духовной алхимии, завоевавшей признание лишь к XII веку (см. также гл. XVI).

³⁴ Т. е. не на предпоследний слог, что звучало бы более естественно для итальянского уха (как в слове *tagna*, например).

³⁵ Что относится к романо-германским языкам, разумеется (ит. *alchemico*, англ. *alchemical* и др.); в русском единственная употребляемая форма – «алхимический» – соответствует требованиям автора.

лено в тексте астролога IV в. Фирмика Матерна по отношению к «дому Сатурна», который благоприятен для занятий «наукой Алхимией». Однако, насколько мы можем судить, пионером в области Алхимии являлся грек Болос Мендесский (III–II вв. до н. э.), хотя к тому времени уже созрела соответствующая культурная почва и выкристаллизовались оперативные приёмы, что имело место в ходе протоистории, каковую можно рассматривать как процесс слияния следующих элементов:

а) постархаической греческой мысли (VII в. до н. э.), из которой берёт начало философия Гераклита, в определённом смысле и в определённых аспектах являющаяся предшественницей алхимической доктрины, сосредоточенной на источнике «единой субстанции». Кроме того, «лучшее», если так можно выразиться, в философии Гераклита несёт печать египетского влияния, и прежде всего это относится к философии возвращения;

б) религиозного восприятия (характерного для египетских жреческих школ, в особенности школ Гелиополя) божественного единства во множестве форм Творения, каковое, таким образом, как в человеке, так и в «материи» вообще, виделось живым и способным к трансформации, поскольку божество трансформировалось в материю и человека;

в) техник владения огнём и работы с металлами, которые, вне чисто практических приложений, были известны египетским жрецам, хранились и практиковались ими в сакральном контексте.

Эти техники в своих общих фундаментальных чертах получили распространение уже в Древней Греции (куда попали – как считается – от пеласгов), а также за пределами средиземноморского бассейна; кроме того, их черты, связанные с работой над металлами при помощи огня, обнаруживаются в Мистериях (от Крита до Самофракии, к примеру).

В указанный период Алхимия предпринимает первые шаги по отделению метафизического устремления, который выражается в ней посредством символизма (в Египте основные алхимические символы были известны с древнейших времён), от утилитарных целей и физико-химических феноменов (в Египте поиски техники изготовления обычного золота велись в течение не менее чем 12 веков!). Подтверждением этому служит тот факт, что алхимические тексты индифферентны по отношению к конкретным феноменам и природным материалам, что исключает возможность развития Алхимии на основе некоей древней оперативной практики, представляющей собой в большей степени жест, чем ритуал, и направленной на специфические операции и/или работу с субстанциями, которая бы опиралась на магический принцип *ex opera operato*³⁶ (каковой можно интерпретировать как «что я осуществляю снаружи, то обретаю внутри себя»).

В алхимических процедурах нет ничего «научного», у них нет ничего общего даже с трудом ремесленника; они не имеют отношения ни к каким экспериментам прикладного характера. Алхимические «химия» и «металлургия» являются таковыми лишь в качестве жаргона, который, однако, требует соответствующего подхода и небуквального понимания, и, если обратиться к истокам, можно ясно увидеть, как изложенное на нём неправильно толковалось. В IV в. философ Христианос предупреждал, что эта практика является не чем иным, как полем для упражнений духа, а в VII в. Стефанос настойчиво разделял «материальную теорию» «легендарной химии» и «тайное умное делание» как две совершенно различные вещи и призывал «...не тратить время на материальные печи, стеклянные трубки, алембики, колбы и сублимации».

Таким образом, изначально лабораторная практика Алхимии, – если не считать различных искажений доктрины, – представляет собой надстройку (также и в материальном смысле),

³⁶ Работа преобразует (лат.).

скрывающую под собой духовную инфраструктуру; в русле этой логики следует считать алхимической лабораторией самого оператора.

«Остерегайся физического в материальном», – постоянный рефрен Алхимического Делания, напоминающий, что не следует ничего в данном учении понимать буквально...

Проводить различие между Алхимией духовной, или внутренней, и материальной, или внешней, нет ни малейших оснований, поскольку исторически этих двух разновидностей никогда не существовало. В аутентичной практике, соответствующей египетской школе, можно от силы провести различие между двумя стилями подхода и проведения операций. Один может быть назван пуристическим – он заключается в чистом созерцании: в соответствии с ним Великое Делание, или трансмутация «свинца в золото», во всех своих составляющих и в ходе всего процесса осуществляется как символический путь; другой может быть назван смешанным, если выбрать нейтральный термин, так как он опирается *ad actum* или *ad acta*³⁷ на определённые жесты.

В наше время речь идёт в большей степени об алхимическом Герметизме, нежели об Алхимии, поскольку характерный для этой науки конкретный строго химический символизм, ставший невразумительным, как невразумительными стали некоторые обороты речи (то есть, по сути, обороты мысли), постепенно замещается символизмом, соответствующим времени, – что наблюдается, впрочем, на протяжении всей истории Алхимии; однако тематика её остаётся неизменной, равно как и проблематика, каковая состоит, говоря кратко, в продолжении индивидуального существования, или исторического «я», после смерти, путём обретения сознания, соответствующего глубинной трансперсональной идентификации оператора (как сегодня называют *artifex*)³⁸ с Принципом Принципов в нём самом, воспринимаемым в качестве *deus absconditus*, т. е. «сокрытого божества». Также ясно, почему ни один алхимик (алхимический оператор) не завершил – и не мог завершить – Делание, иными словами, не пришёл к окончанию *opus*³⁹ в течение своей жизни, ведь его конечным этапом является преодоление порога смерти.⁴⁰ Лишь смерть служит последней печатью Алхимического Делания, *Magnum Opus*, успех которого может быть подтверждён исключительно субъективно... в случае, если он имеет место.

Всякое свидетельство и заявление о том, что некто «получил золото» (метафора завершения *opus*) служит для одурачивания тех, кто готов в это верить, и, в то же время, играет роль главного психологического оправдания *artifex* в глазах людей.

Более того, становится понятно, что эта практика – по сути «магическая» – в современных терминах является *decreeing*,⁴¹ и потому она бесстрастно «воздаёт» каждому по заслугам.

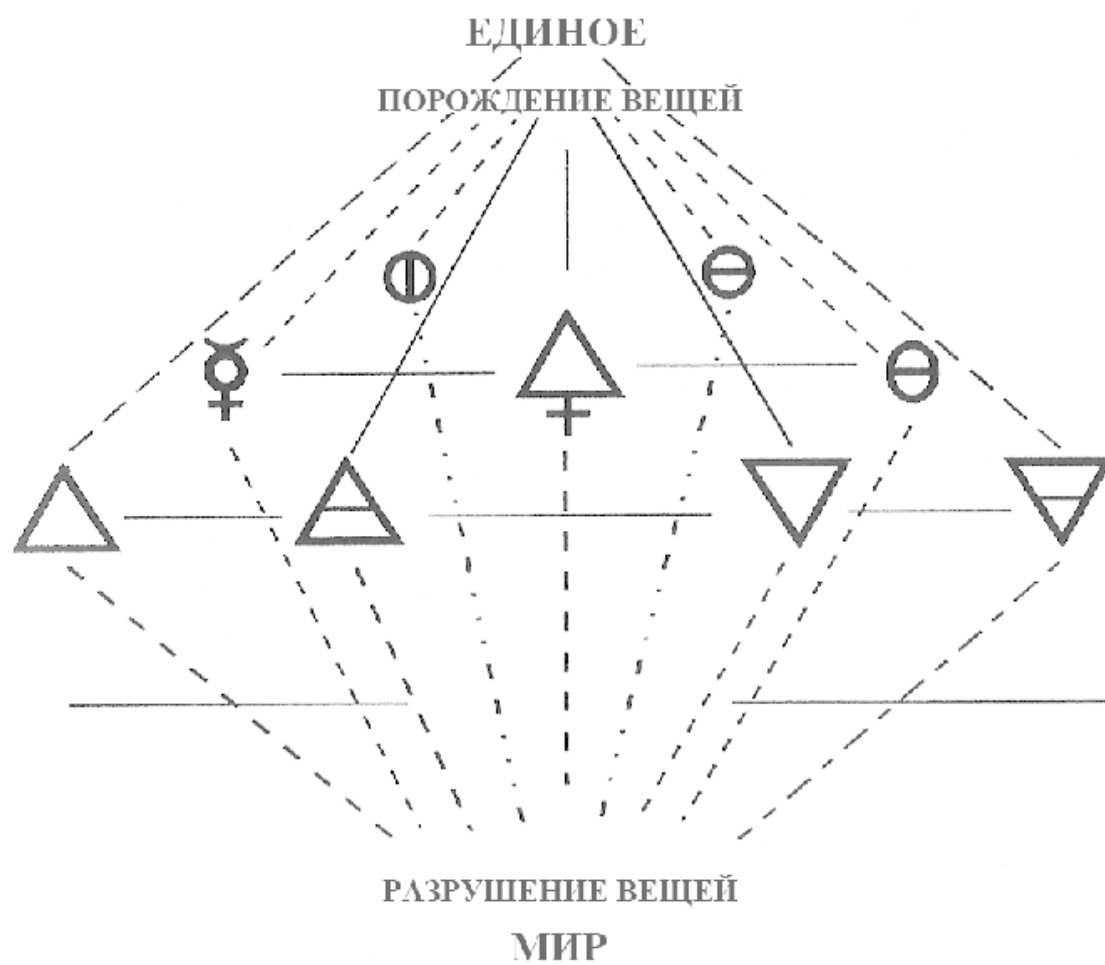
³⁷ Т. е. согласно сложившемуся канону (лат.).

³⁸ Мастер (лат.).

³⁹ Делание (лат.).

⁴⁰ С традиционной точки зрения это верное замечание, поскольку даже в восточных традициях состояние *дживан-мукта*, то есть «освободившегося при жизни», не является окончательным; только после физической смерти субъект обретает абсолютную свободу, избавившись от обусловленности плотского тела. Помня об этом, следует несколько в ином, непрофанном свете рассмотреть утверждения «состоявшихся адептов» о завершении ими *Magnum Opus*; в определённом смысле, тут кроется ещё одна ловушка для непосвящённых. Признание Бернара Тревизанского в том, что, поняв окончательно *modus operandi* в возрасте восьмидесяти двух лет, он «не стал завершать Делание, так как не видел в этом смысла», является, вероятно, наиболее прозрачным намёком на то, что истинное завершение *opus* для него наступило через два года, когда он покинул сей мир.

⁴¹ Предопределяющая (англ.) – игра слов с итальянским глаголом *decretare* (воздавать).

ЕДИНОЕ и МИР

III. Изготовление золота

Так же, как растворение манифестации знаменует переход в виртуальное состояние, так и коагуляция проявления означает переход в состояние «реальности».

Алхимия также называется Хризопеей и известна как таковая (честно говоря, более называется, чем известна), то есть как *ars aurifera* или «искусство изготовления золота». Таким образом, Алхимия – искусство и наука одновременно: искусство, поскольку требует активного творческого воображения; наука (хотя и в наиболее общем смысле), так как подчиняется когерентной систематизации, пусть и субъективной, в области данных для референций.

В этих терминах «первоматерия» алхимического делания представляет собой совокупность семи металлов: серебра, железа, ртути, олова, меди, свинца и золота, герметично закрытых в «стеклянном сосуде» или алембике с запечатанным горлышком. Так, разведя «огонь» под калёбасом,⁴² т. е. под широкой частью алембика, его поддерживают в течение всей операции *nec timide, nec tumide*,⁴³ то есть не слишком слабым и не слишком сильным; при этом наблюдают, как внутри сосуда «тонкое», стремящееся вверх к горлу алембика (закупоренному притёртой пробкой), отделяется от «грубого», а это последнее, в свою очередь, оседает на дне. Затем направление «огней» меняется таким образом, что «тонкое» «падает» сверху вниз и увлажняет «грубое» подобно «росе». По окончании операций «сосуд» разбивают, и в нём должно обнаружиться «чистое золото».

Вполне очевидно, что всё упомянутое суть единая метафора, в которой ключевые слова приведены в кавычках, но сию метафору оператор проживает, ощущая собственной кожей. При этом, благодаря метафоре, он попадает в то измерение (Воображаемое), которое в Алхимии – и не только в Алхимии – является машинным отделением корабля человека; этот вход осуществляется посредством символа, полагаемого как оптимальное обозначение для обозначаемого (обозначаемых) или аспекта (аспектов), концептуально не выражаемых исчерпывающим образом.

Итак, возвращаясь к самой метафоре, сосуд является человеком, *artifex*, иногда называемым также *opifex*, каковой хрупок по своей природе и ещё более хрупок при выполнении алхимических операций, – действительно, как стекло, которое способно расколоться, и риск этого существует всякий день; может случиться нечто вроде «безумия Свинца», пользуясь жаргонным выражением, определяющим подобное сумасшествие, если не физическое самоубийство.

Далее. «Металлы», понимаемые как цветы человеческой почвы, играют роль валентностей, индивидуальных психологических модальностей, которые, под воздействием «огней», расцветают (или, по крайней мере, должны расцвести). В этом отношении следует заметить, что ещё в первые века алхимии эксплицитно использовали термин *человек*, говоря о «приготовленных» металлах, т. е., растворённых и трансмутированных путём «проекций» так, что данные «металлы» могли быть представлены людьми.

«Огни» заключаются в психическом заряде, который оператор вкладывает в *opus*, – это натяжение лука для всего процесса, рассматриваемого как длинная дорога и фактически называемого *iter*,⁴⁴ в то время как действующее лицо называется *путником*.

⁴² В оригинале (как и в старинных алхимических трактатах) *cucurbita*, от названия растения *Cucurbita Lagenaria*, т. е. тыква-горлянка. Посуда этой формы и с эквивалентным названием существовала с глубокой древности во многих культурах, включая Китай и индейцев Латинской Америки; название, заимствованное у последних испанцами – калёбас – наиболее знакомо русскому читателю.

⁴³ Без страха, но и без самоуверенности (лат.).

⁴⁴ Путь (лат.).

Паломничество к Иакову Компостельскому (от *campus stellae* – «звёздное поле») алхимика Николя Фламеля (XIV в.) в этом отношении является прототипом инициатического путешествия, другим примером какового служит паломничество в Святую Землю, во время которого «пилигриму» открывается тайна, ради разгадки коей оно было предпринято.

«Грубое» суть личное биографическое, то есть то, что относительно в смысле его важности для личности (каковая говорит: «ты не знаешь, кто я»), и что естественным образом у всех людей обречено на распад после смерти; «тонкое» же представляет собой противоположность этому, по каковой причине гипотетически способно смерть пережить.

В оптике герметико-алхимического подхода Я представляет собой множество уровней, слоёв, планов, соприкасающихся плоскостей; оно подобно луковице – от внешней шелухи (грубое) к сердцевине (тонкое), где каждый уровень, слой, план, плоскость сами по себе, без анаграфических загрязнений, говоря герметическим языком, является Нуменом (некоторое представление об этом даёт идея Самости в психологии).

Кроме того, упомянутое путешествие трактуется как поиск, и наиболее важен именно сам процесс поиска, а не окончание пути, поскольку *artifex* (или артист)⁴⁵ в ходе поиска может достичь *aurea apprehensio*,⁴⁶ осознания себя как Нумена и, вместе с этим осознанием, преодолеть смерть.

Знание и преодоление смерти в Алхимии составляют пару, наличие которой объясняет, почему Алхимия является не только Путём Познания, но и Путём Спасения. Таким образом, Алхимия есть поведенческий ответ на проблему экзистенции, – конечно, в качестве рабочей гипотезы, поскольку рабочей гипотезой будет всякий ответ на эту проблему.

На полный тревоги вопрос, «каков смысл жизни и смерти – моей жизни и моей смерти?» алхимик не отвечает *sic et simpliciter*⁴⁷ актом веры в Бога, что эквивалентно подписанию бланкового векселя;⁴⁸ не отвечает он ни категорическим отрицанием атеиста, который, отвергая Бога, осуществляет негативный акт веры, ни столь же твёрдым отрицанием агностика, отвергающего не возможность присутствия Бога, но возможность познания такового. Оператор-алхимик, я подчёркиваю, даже не снимает вопрос, чтобы избежать ответа, подобно герою *Процесса* Кафки, закончившему свой путь «как собака»; *opifex* действует так, будто в нём присутствует нечто большее, чем знак, – точка соединения, непрерывный контакт между временным и вечным, конечным и бесконечным, между личным индивидуализированным (как оно есть) и индивидуализирующим трансперсональным – которое по желанию может быть названо Богом, или Принципом, или иным соответствующим именем. Совершенно ясно, что, если есть Принцип (а его не может не быть), он присутствует везде и при любых условиях: в неорганической природе – в неорганическом состоянии, в растительной природе – в неорганическом и растительном состоянии, в животной природе – в неорганическом, растительном и животном состоянии, в человеке – во всех состояниях, то есть в состоянии, включающем в себя все остальные, в котором происходит осознание собственного бытия. Как гласит герметическая максима: «Принцип в человеке познаёт, в животном ощущает, в растении живёт, в минерале пребывает».

Весь герметический *opus* – Великое Делание – заключается именно в трансмутации алхимика как обычного индивидуума, то есть «свинца», в «золото» путём транспозиции его сознания из индивидуализированного анаграфического в индивидуализирующее архетипическое, каковая транспозиция осуществляется благодаря специальному поведению, определяемому как «героическое безумие»,⁴⁹ отличному от экстатического поведения мистиков, хотя обе

⁴⁵ Намеренная и важная аберрация значения термина.

⁴⁶ Золотое (сияющее) постижение (лат.).

⁴⁷ Непосредственно так (лат.).

⁴⁸ Вексель, который заполняют лишь частично: как правило, на нём проставляется только подпись векселедателя, а наименование бенефициара, место выдачи и пр. при этом не заполняется.

⁴⁹ Ср. Джордано Бруно, *О героических безумствах* (London, 1585).

линии имеют целью опыт Единения с Принципом (для мистика – *теозис*, слияние с Богом). Так же, как для мистика вера (*pistis*), так для алхимика знание (*gnosis*) является насущной задачей всякий миг. Эта непрерывность исключает ритуальность, *a fortiori* обусловленную периодами работы, соблюдаемыми в той или иной степени, и требует стереть всякое различие между жизнью в рамках повседневной рутины и жизнью инициатической.

Оператор-алхимик должен проживать каждый день всем своим существом, в соответствии с максимой *ars totum requiret hominem*,⁵⁰ и «день» в этом случае означает сутки – 24 часа из двадцати четырёх, насколько это возможно... одним словом: безупречно.

⁵⁰ Искусство требует всего человека (лат.).

IV. Герметико-алхимическое сознание

Меркурию присуща напряжённость, которая толкает его всегда от Бессознательного⁵¹ к большей осознанности.

По причине того, что может быть названо «принципом включённого субъекта», никакая рациональная система не способна описать в целом собственную структуру,⁵² поэтому необходимо отметить, что попытка алхимика исчерпывающе описать структуру своей трансформации в ходе Делания является иллюзорной претензией, если подобная претензия вообще свойственна настоящему оператору-алхимику, ведь поскольку Делание полагается как Великая Гипотеза, его воспринимают и описывают в терминах, выходящих за пределы рационального и принадлежащих скорее сфере воображения.

В дополнение к сказанному следует твёрдо помнить, что:

а) Алхимия не является верой в религиозном смысле слова;

б) описания в Алхимии различны и разнообразны, но относятся к одной и той же мифологеме (мифической модели); при этом одна и та же формулировка может быть приложима к различным значащим аспектам.

в) алхимическое сознание не полагается на рационализацию, но находит опору в личном опыте оператора.

Также есть смысл остановиться на этих трёх пунктах подробнее:

а) алхимик как таковой не является верующим (хотя верующий может быть алхимиком), поскольку не компенсирует отсутствие знания суррогатом веры в решении финальной проблемы, но такой суррогат вполне может играть роль антидота для экзистенциальной тревоги и обеспечить покой. Кроме того, алхимика подкрепляет надежда, опирающаяся на его безупречность.

б) описания, какими бы полными и вдохновляющими они ни являлись, могут оказаться исключительно локальными, относящимися к одному субъекту, поскольку глобальное, всеобъемлющее, абсолютное описание невозможно по причине противоречия в терминах. То, что может быть описано, может быть и определено, а значит, имеет пределы, поскольку поддаётся дескриптивному определению.

В Алхимии формулировки и репрезентации не имеют силы *verbum dei*,⁵³ но несут практический смысл согласно их эвристической и оперативной релевантности, а в особенности, согласно их соответствию дискурсу конкретного момента, или моменту дискурса, а значит, взаимозаменяемы.

Если для христианина человеческое существо – это тело и душа, двоичное определение, исключаящее всякое иное, для алхимика человеческое существо суть (равнозначно) либо Троица Субстанций (Сульфур = Душа, Меркурий = Дух, Соль = Тело), либо Троица Компонентов (Дух, Душа, Тело) с переменной мест между Духом и Душой по отношению к Троице Субстанций, либо Четверица Стихий (Огонь, Воздух, Вода, Земля), либо Седмица Металлов (Свинец, Олово, Медь, Серебро, Ртуть, Железо, Золото; также и в других последовательностях), либо же, при унитарном взгляде, просто индивидуация Меркурия, поскольку, если сложить вместе всё упомянутое, индивидуум является эпифанией (проявлением) Принципа Принципов, Единой

⁵¹ Из содержания самой цитаты ясно, что автор использует этот устоявшийся термин в значении «предсознательное» или «подсознательное», а не в гипостазированном смысле, типичном для психоанализа или аналитической психологии.

⁵² Что в определённом смысле является экстраполяцией теорем Гёделя.

⁵³ Слово Бога (лат.).

Вещи, то есть алхимического Меркурия, – не говоря уже о других часто употребляемых моделях, имеющих переносный смысл и предполагающих вводную фразу «как если бы» (например, «как если бы человек был смесью Субстанций... Компонентов... Стихий... рудником для добычи металлов... ртутью при возгонке» и т. д.).

В итоге алхимик не обуславливает себя моделью – что ограничило бы его интеллект – и не впадает в ошибку сведения Делания к одной-единственной формуле.

Если метафора является тем риторическим переносом, который ведёт от образа к идее (в то время как аллегория является развёрнутой метафорой), то символ ведёт от образа ко многим идеям, притом и метафора, и символ общеупотребительны и прочно укоренены в герметико-алхимическом воображении, использующем символику чисел (3, 4, 7, 9, 10, 12 и т. д.), геометрические символы (треугольник, квадрат, круг и др.), весьма разнообразный бестиарий (где можно найти орла, голубку, ворона, дракона, льва, змею и др.), равно как и анаграммы, акrostихи (в коих следует использовать лишь начальные буквы слов фразы, чтобы получить искомое слово) и криптографию (разновидность ребуса), а также, начиная с периода Ренессанса, тематику греко-романской мифологии, каковая, однако, остаётся чисто египетской в представлении Этапов и Операций Делания и прочно привязанной к химическому вокабуляру в качестве несущей оси алхимического дискурса, как «науки, которая учит, как преобразовывать металлы одного вида (читай, состояния человека, или человека в его состояниях) в металлы другого вида», как сказал Парацельс.

С другой стороны, алхимико-химический символизм восходит к Египту ранее III в. до н. э., то есть ещё до Болоса Мендесского.

Алхимия – это не физика и не химия в зачаточном состоянии; Алхимия есть интегральная химия человека, позволяющая понять его в экзистенциальной реальности, цельно; она суть наука, в которой всякое описание, каким бы оно ни было, не служит в качестве данных, репродуцируемых по частям, но является репрезентативным в терминах дискурса, каковые приложимы к Искусству.

Следует подчеркнуть, что в алхимическом видении тело и дух, или материя и энергия, являются, так сказать, равновеликими, и все вещи суть структуры в движении, или, переворачивая фразу, движение в различных структурах; при этом Мир действительно понимается как зачатый от *mens dei*,⁵⁴ в каковой он заключён, таким же образом, как ум спящего порождает и объёмлет в себе сновидение.

По данной причине, вместо того, чтобы нивелировать различия между определениями, алхимик умножает их путём использования специфической доктринальной и/или практической перспективы, не ассимилируя, однако, разногласий. Их ценность определяется ценой «реальности» – формальной конструкции, посредством которой полагают существование.

в) с другой стороны, Алхимик, паломник на Пути Знания, не полагается ни на что иное, кроме собственного опыта, – единственную лампаду, способную осветить путь и его действительно освещающую; говоря об опыте, я имею в виду знание, полученное в результате практики.

Среди информационных «путей» алхимик не отдаёт предпочтение ни одному – ни ощущениям (благодаря которым он познаёт внешний мир через органы перцепции), ни чувствам (с помощью коих он проникает в чувственную сторону мира внутреннего), ни интуиции (каковая даёт информацию непосредственно из бессознательного), ни рассудочным умозаключениям (что представляют информацию посредством индукции или дедукции, то есть в виде абстрактного знания).

⁵⁴ Мысль Бога (лат.).

Алхимик черпает знание в своём опыте, каковой соотносится с реальностью далеко за пределами опыта обыденного, усвоенного и переваренного так, что он образует плоть внутри плоти.

Конечно, это соотнесение осуществляется через естественные информационные пути, однако не исчерпывается информационными фактами, так как сбор и транскрипция информации происходят параллельно с коррелирующей её переработкой, каковая дополняет схватываемое сознанием.

Поскольку герметико-алхимическое знание является жизнью проживаемой, становится понятен алхимический императив *rumpite libros*,⁵⁵ что можно перевести как «через книги», ибо в процессе алхимической трансмутации книги действительно читают и перечитывают, и перечитывать их следует, связывая каждую с остальными, ибо *liber aperit librum*.⁵⁶

С другой стороны, повседневный опыт демонстрирует нам, что дабы преуспеть в жизни, необязательно быть первым в классе в школьные годы.

Алхимический Путь Знания – это маршрут, который алхимик проходит в одиночку; здесь не существует поверенных и доверенностей. На данном пути оператор является путником, ищущим тот пункт назначения, каковой является им самим.

В ходе *opus*, коий может быть оценён только субъективно в рамках собственных данных для референций (со всем отсюда вытекающим), алхимик обязан подчиняться и следовать (с необходимостью) двум правилам:

- а) познай самого себя, чтобы быть самим собой;
- б) будь (собой) в той мере, в которой знаешь себя.

Вполне естественно, что знание беспредельно, – как, с другой стороны, и невежество, – и по этой причине познавать нужно как можно больше, лучше и глубже, на протяжении всей жизни.

Ну а «после»?

Завершение Великого Делания согласно герметико-алхимическому канону знаменуется смертью, и следует помнить, что победившие смерть продолжают жить не на Земле и если бы они даже оставались здесь, всё равно нельзя было бы установить их идентичность.

Древние греки говорили *teleo*, когда хотели выразить завершение в двух смыслах: «умираю» и «жертвую собой», что должно было определять скачок (по этой причине я и говорю о Великой Гипотезе), при котором субъект, объект и акт познания сливаются воедино. К данному состоянию или модусу бытия отсылает мистик, говоря о пробуждении ото сна, каковым является жизнь, двумя словами: *docta ignorantia*.⁵⁷

⁵⁵ Порвите книги (лат.).

⁵⁶ Книга открывает (т. е. поясняет) книгу (лат.).

⁵⁷ Учёное незнание (лат.) – см. Николай Кузанский, *Об учёном незнании* (Kusa, 1440).

V. Авторы⁵⁸

«Укус змеи» – метафора, которая налагает печать на продолжительность жизни Человека в герметико-алхимическом смысле... и продолжает род Дракона.

Если Юлий Фирмик Матерн, астролог IV в., насколько нам известно, был первым, кто стал использовать термин «Алхимия», то египтянин Болос Мендесский (III–II вв. до н. э.), согласно достоверным сведениям, был первым среди *авторов*, то есть тех, кто оставил после себя свидетельства Великого Делания, каковое название уже тогда использовалось инициатами.

До наших дней сохранились фрагменты его доктринальной работы, быть может, наиболее важной: *Физика и Мистика*, где под «физикой» подразумевается наука об оккультных силах Природы, а под «мистикой» – знание наиболее глубоких мистерий.

Начиная со II–I вв. до н. э., нам известны другие *авторы*, среди которых называют (псевдо-) Демокрита, каковому, вероятно, приписывались работы того же Болоса (ведь в то время не было никакого повода отстаивать право на аутентичность), а также Марию Пророчицу, именуемую Еврейкой или Копткой, – весьма достоверный персонаж, хотя из её работ сохранились лишь цитаты; как считают, она первая использовала сексуальную метафору для описания соединения Субстанций. Тот факт, что ей приписывают также разработку базовых процессов, на основе которых затем развивалась металлургическая практика алхимии, химии и спагирии, примером чему служит *balneum Mariae*,⁵⁹ как назвал это устройство в XIV веке Арнольд из Вилла-новы, следует принимать *cum grano salis*⁶⁰ и не буквально.

В контексте западной культуры слово «мистика» впервые начало использоваться в конце V века в работах, приписываемых Дионисию Ареопажиту, скорее для обозначения определённого типа теологии, чем для описания личного опыта, то есть «негативного», агностического пути к Богу, который имеет целью знать, не зная (см. *docta ignorantia*). Сам этот факт поистине мистичен, так как теология не предполагает непосредственной сопричастности Богу, каковой опыт составляет суть мистицизма, и «обоснование» которого всегда исключительно индивидуально, как алхимическое *Unio Mystica*⁶¹ (см. Г. Дорн).

Мария Пророчица в особенности известна своей философской – также и в герметическом смысле – аксиомой: «Одно становится Двумя, Двойка становится Тремя, а Тройка порождает Единицу как Четыре». Данное высказывание справедливо для любой космогонической прогрессии. С этой же школой философской мысли связаны имена (псевдо-) Комария и (псевдо-) Клеопатры, в то время, как со школой Болоса ассоциируют имя Останеса (знаменитого также в качестве мага), который, похоже, оказал определённое влияние на самого Болоса и сыграл немалую роль в историческом рождении Алхимии.

Практически одновременно с вышеупомянутыми авторами жил некто Гермес, коего цитирует Пселл (сам также почитатель Алхимии), автор двух работ: *Солнечное Делание* и *Физика*, из которых до нас дошли лишь весьма немногочисленные фрагменты и чуть большее количество цитат в работах авторов, живших позднее. В ряде комментариев, однако, сей Гер-

⁵⁸ Джаммария использует латинское слово *auctores*, означающее «авторы», а также «основоположники» и «создатели». Это слово традиционно использовалось в герметической философии для именования людей, которые не просто сочиняют тексты на тему герметики, а описывают свой личный опыт Делания.

⁵⁹ Водяная баня (дословно «Баня Марии») – это название сохранилось в большинстве европейских языков – *bagnomaria*, *bain-marie* и т. п.

⁶⁰ То есть скептически.

⁶¹ Мистический Союз (лат.).

мес отождествляется с Агатодаймоном и упоминается как основатель алхимической школы в Харране, для каковой был характерен акцент на использовании в работе исключительно «металлов», что указывает на связь между философией этой школы и идеями, типичными для жреческой среды, в которой металлургические техники несли эзотерический и метафизический смысл.

Уже у указанных *авторов*, настоящих и подлинных пионеров, в самом фундаменте их работы, в её несущих структурах, можно ясно увидеть алхимическую мысль, коя проникает века человеческой истории и коя нашла отражение в том великом тексте, каковым является *Изумрудная Скрижаль*, также известная как *Кибалион* и *Солнечное Делание*, – тексте, вероятно, доисламского происхождения, если судить по стилю, арабскую версию коего приводит в одной работе VII в. Джабир ибн Хайян. Его перевод таков:

*«Это истинно, не ложно, верно и подлинно:
то, что внизу, подобно тому, что вверху, и то, что вверху, подобно
тому, что внизу, для совершения чудес одной-единственной вещи.
Так же, как все вещи произошли из одной, посредством отражения этой
одной, так и всё произошло от этой вещи путём приспособления.
Её отец – Солнце, её мать – Луна.
Ветер носил её в своём чреве, земля вскормила её.
Эта вещь является прародительницей всех чудес мира.
Она обладает наибольшей силой, когда возвращается в землю.
Отдели землю от огня, тонкое – от грубого, искусно и с великим умом.
То, что возносится с земли на небо, затем вновь возвращается в землю,
таким образом получая силу того, что вверху, и того, что внизу.
Так ты обретёшь славу мира, и всякая Тьма покинет тебя.
Эта вещь – сила над всеми силами, поскольку побеждает тонкое и
проникает в твёрдое.
Так был создан мир.
Посредством её можно осуществить многие чудесные превращения.
Я называюсь Гермесом Триждывеликим,
Поскольку обладаю тремя частями всемирной философии.
Мной сказано всё, что должно быть сказано о Солнечном Делании».*

Другим аспектом алхимического рельефа начальных веков является присутствие женщин в первом эшелоне основателей – это относится к Марии и Клеопатре; кроме них также следует упомянуть Исиду из школы Гермеса, Теосебию и Пафнутию (III в.).

В третьем веке Алхимия греко-романского региона достигает апогея в лице Зосимы. Из периода четвёртого столетия нам известны Синезий и Макробий, V в. – Олимпиодор и VII в. – Стефанос; затем эстафета перешла к арабским алхимикам и представителям исламской культуры, среди каковых можно назвать Халида ибн Язида (VII в.), шестого имама Джафара ас-Садика и Джабира ибн Хайяна (VIII в.), школа которого оставила добрую сотню алхимических текстов; затем, в IX в., выделяются Абу Муса Джабир, а также аль-Рази Абу Бекр, вместе с коим *орис*, в первых веках прочно связанный с металлургическими коннотациями, смещается в сторону своего подлинно герметического аспекта; кроме того, в X в. был известен Мохаммад ибн Умаил, называемый Сеньор, а в XII в. – Альфидий, Артефий и Мохиддин ибн Араби, которому принадлежат слова: «Мир Природы состоит из многих форм, кои отражаются в одном-единственном зеркале, но прежде есть одна-единственная форма, коя отражается во многих зеркалах».

На Альберта Великого и св. Фому значительное влияние оказал ибн Сина, известный как Авиценна (XII–XIII вв.); также заслуживают упоминания Абул Касим аль-Ираки (XIII в.) и Абд аль-Карим аль-Джили (XIV в.).

Однако по окончании первого тысячелетия Алхимия подвергается определённому искажению в исламском мире и переселяется в Европу, благодаря посреднической роли Испании, в виде арабских манускриптов, переведённых на латынь; здесь она процветает в такой степени, что в занятия этой наукой оказываются вовлечены Альберт Великий, Роджер Бэкон, Аллен де Лиль (монах из Сито), Кристоф Парижский, Раймонд Луллий, Арнольд из Виллановы, монах из Феррары Чекко д'Асколи (см. *l'Acerba*)⁶² и автор *Summa Perfectionis*⁶³ Гебер (итальянского или каталанского происхождения).

Среди важнейших авторов XIV века следует упомянуть Пьетро Боно, Клопинеля (одного из двух авторов *Романа о Розе*), аббата Вестминстерского Кремера, Джона Дастина, Фламелья, комментатора *Изумрудной Скрижали* Грассеуса (Ортолануса), Гийома Парижского (вдохновителя герметических барельефов на портике парижского собора Нотр-Дам) и Ричарда Английского.

В XV в. можно выделить монаха Лациния, Томаса Нортон, Исаака Орландского, Понтануса, Рипли, Бернара Тревизанского, аббата Тритемия, монаха Василия Валентина и, в определённых философских аспектах, Николая Кузанского.

Не менее важны авторы и их работы последующего, XVI века: Брачческо, Космополит, Дорн, Гносиус, Гратаролус, Назарий, Парацельс, Пеноло, Кверчетано, Рупешисса, Сетон, Трисмозин, Венцеслав (Лавиний) Моравский, Вентура, Виженер, Захария; в XVII в. – Альтюс, Балдуин, Бархузен, Борри, Боррикий, Гельвеций, Ламбспринк, Майер, Монте-Снидерс, Милий, Пичинелли, Планис Кампи, Ириний Филалет, Ласкарис, Силезий, Стольций, Валентин Андреэ.

Однако в конце 1600-х годов Алхимия испытала последствия революции «глобальной парадигмы», каковая главенствует над знанием (иначе говоря, если на авансцене появляется культурная революция, она распространяется на всё), и интерес к этой науке, равно как и её престиж, упал; симптомом и отражением произошедших в ней преобразований, смены направлений, её упадка и кризиса служит факт появления в 1700-х годах эзотерических обществ и инициатических орденов.

Существование сообществ и орденов подобного рода фактически представляет собой обращение к сокровищнице – «совершенно секретной» – некоего содержания, которое будто бы утрачено и, вследствие этого, сохранилось лишь формально. Это противоречит самой традиции, требующей полного одиночества алхимика, архетипического творца, каковой осуществляет *opus* самостоятельно⁶⁴ и не планирует для этого основывать школы, а также алхимические академии, сообщества, ордена и тому подобное, даже если его идеи на самом деле вдохновляют некую философскую школу (как, например, школа в Харране); таким образом, алхимик в своих операциях руководствуется двумя герметическими афоризмами: «оставайся в одиночестве и будешь принадлежать себе» и *alterius non sit qui suus esse potest*.⁶⁵

В XVIII веке среди немногих последователей Алхимии, которых в тот период считали чуть ли не сумасшедшими, были Керданек де Порник, Манже, Пернети; впрочем, – несмотря на практически единодушный скептицизм в культурной среде того времени, – книги по алхимической тематике, доступные широкой публике, довольно многочисленны.

⁶² Дидактическая поэма д'Асколи (Brescia, 1473).

⁶³ *Сумма Совершенств* (Venezia, 1475). В рукописи была известна двумя столетиями ранее.

⁶⁴ Следует заметить, что в этом пассаже автор не призывает к отшельничеству (алхимик может общаться с коллегами и даже иметь партнёра противоположного пола, как Фламель, Альтюс или Барбо), но отрицает целесообразность создания «мастерской» в ремесленном понимании – с подмастерьями, учениками и пр.

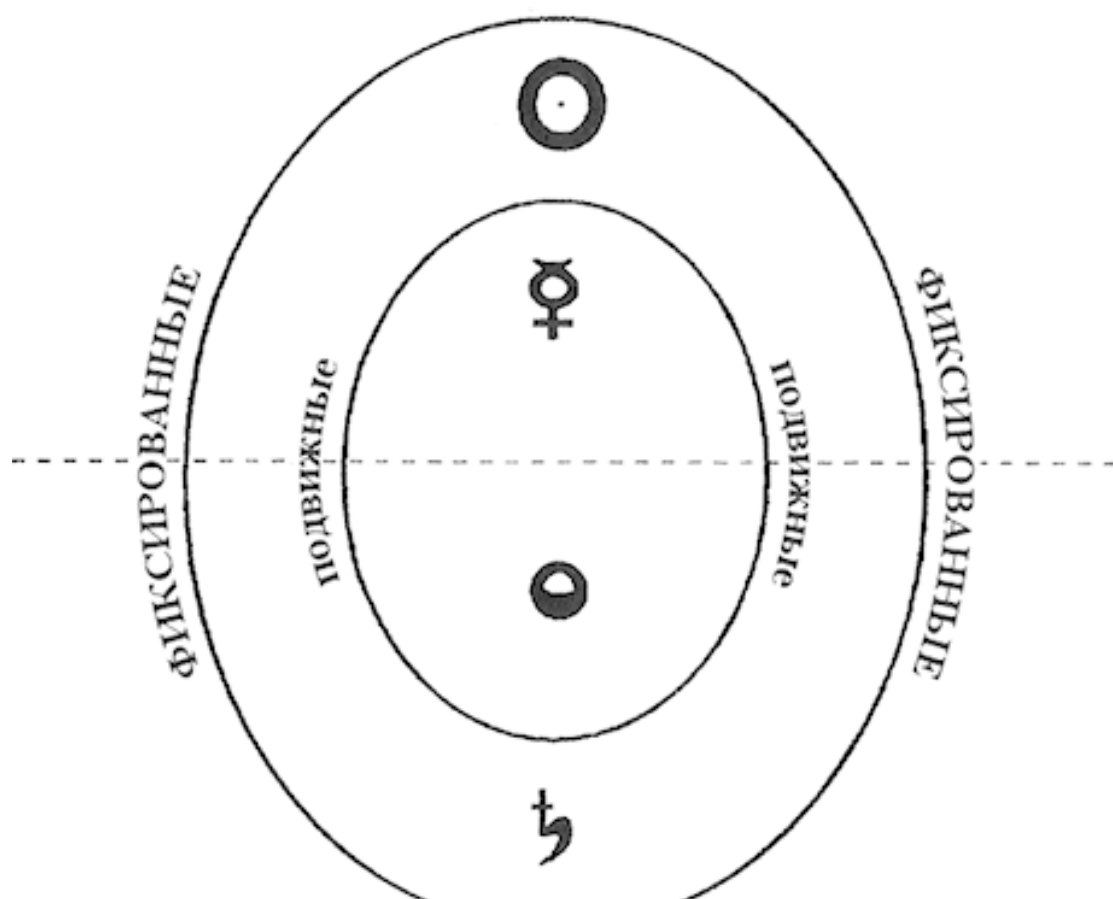
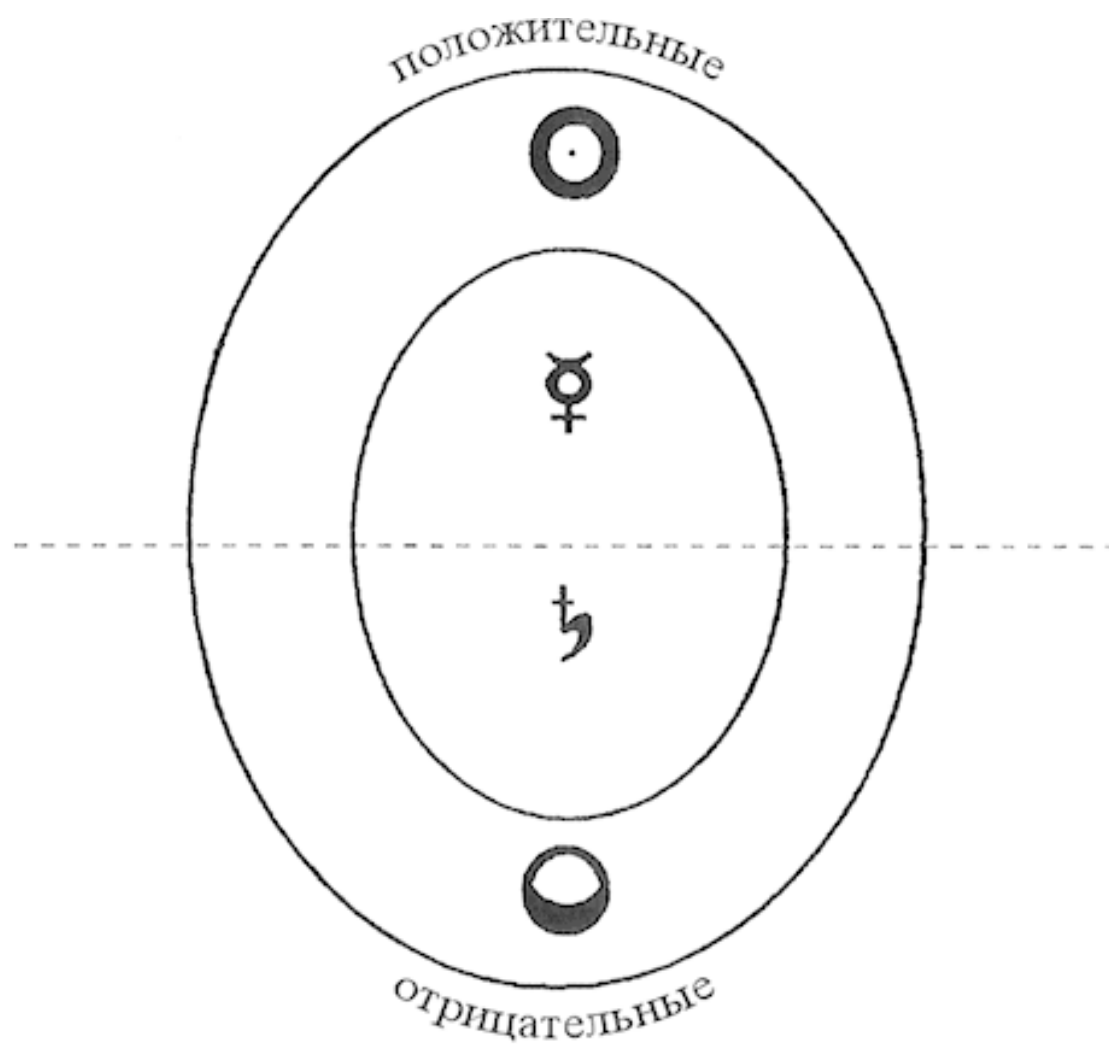
⁶⁵ Тот, кто может принадлежать себе, не должен принадлежать другому (лат.) – высказывание Парацельса.

Следующий, XIX век, оказался в ещё меньшей степени богат для Европы настоящими и подлинными алхимическими трактатами, настоящими и подлинными «завещаниями». Тексты этого периода кризиса и затмения в основном представляют собой комментарии или эссе пояснительного характера. Совершенно иные настроения царят на Ближнем Востоке, где алхимическое Делание живо в школе иранского шейхизма, основанной в этот же период Ахмадом Ахсаи, который оставил значительное литературное наследие; кроме него, также Мохаммад Карим Хан Кермани сочинил трилогию об «очищении» и «ректификации». В XX веке Абул Касим Хан Эбрахими играл роль, если так можно сказать, наиболее харизматического «маэстро» Алхимии в исламских землях.

Лишь в первой половине XX века намечается просвет в вопросе возрождения европейской Алхимии – во Франции благодаря работам, опубликованным под именем Фулканелли, и в Италии благодаря сочинениям Джулиано Креммерца (который всё же был в большей степени магом, нежели алхимиком).

Во второй половине двадцатого столетия труды, подписанные Марко Даффи, вместе с таковыми *AK Z UR*,⁶⁶ а также энигмами *UR AZA* и всей литературной продукцией, произведённой на свет новым поколением исследователей и почитателей Алхимии, известных, в частности, под именем «Корпус Равных», дали новый толчок Алхимии как Пути Знания, а значит, Единения, адаптируя её язык к настоящему времени и ближайшему будущему.

⁶⁶ Следует читать «ак-дзе-ур».

VI. Свидетельства и загадки

Абстрактное не имеет лица, однако прячется за бесчисленными масками.

«Завещаниями» называют произведения, оставленные алхимиками не столько как свидетельства достигнутого, сколько для того, чтобы потомки смогли оценить их усердие в Искусстве, а также подтвердить их знания, эксплицитно или имплицитно следуя принципу *nisi solis nobis scripsimus*, что означает «написано только для нас самих».

Фактически, дабы дать возможность проверить своё знание в «отражении», в терминах «речи», алхимик выражает его концептуально, подобно тому, как студент вслух повторяет лекцию, выученную про себя. Это драма перехода от воображаемого к реальному. Образы мелькают в уме, как кадры кинофильма на экране, и проблема состоит в их фиксации и сведении к концепциям. В свою очередь, их перевод на язык проживаемой жизни представляет собой иную задачу и иную проблему.

«Человек знает столько, сколько он вкладывает в действие», – любил повторять Франциск Ассизский; в то же время алхимический девиз гласит: *verum non est si verum non fuerit in terram*, вольный (но подходящий к случаю) перевод чего звучит так: «не истинно до тех пор, пока не осуществилось», что почти эхом вторит максиме *factum ipsum verum*.⁶⁷

Среди литературного наследия нельзя найти исчерпывающего трактата по Алхимии, то есть такого, который бы охватывал всё разнообразие аспектов Великого Делания, включая доктринальные и оперативные импликации; также до сих пор не было создано и ни одной «суммы», то есть систематического представления этой науки в виде широкой панорамы. В то же время нет недостатка в антологиях и собраниях, весьма богатых на тексты: *Artis Auriferae* (XVI в.), *Novum Lumen* (XVI–XVII вв.), *Theatrum Chemicum* (XVII в.), *Museum Hermeticum* (XVII в.), *Chymica Vannus* (XVII в.), *Lucerna Salis Philosophorum* (XVII в.), *Bibliotheca Chemica Curiosa* (XVIII в.); кроме того, начиная с XVIII в. больше не появлялось трудов в форме трактатов, но публиковались лишь истории на алхимическую тему и пояснительные эссе более-менее общего характера, вплоть до второй половины XX столетия, когда для интересующихся стали доступны работы, подписанные псевдонимом Марко Даффи (см. *Марко Даффи и его произведения*),⁶⁸ и тексты, вдохновлённые ими (см. *Герметический Компендиум*), а также *Книга AK Z UR*, подготовленная в жанре «суммы».

Следует, однако, отметить текст одного автора (не в алхимическом смысле), а именно Густава Майринка, чьё обширное литературное наследие несёт печать алхимичности: *Зелёный лик*. В этом смысле он является шедевром первой четверти XX века, написанным в форме романа, в котором широкомасштабно муссируется тематика Трёх Режимов Делания, занимающая важное место в *Химической Свадьбе* Иоганна Валентина Андреэ (XVII в.) в соответствии со следующим образом:

- а) похищение Евы «чёрным человеком»;
- б) возвращение Евы из «белого тумана»;
- в) супружество;
- г) смерть Евы;
- д) явление Дитя;
- е) Союз, который делает «живыми по ту и по эту сторону».

⁶⁷ Истинно лишь то, что осуществилось (лат.).

⁶⁸ Giammaria, *Marco Daffi e la sua opera*, Editrice Kemi, Milano, 1980.

Также подразумевается, что все аллегорико-символические образы, в большом количестве встречающиеся в манускриптах раннего Средневековья и составляющие сюжеты гравюр периода Ренессанса и Барокко, не столько преследуют цель информировать случайного читателя, сколько дают основу для размышлений инициата над сутью учения. В самом деле, многие авторы предпочитали и предпочитают вербальному изложению зрительные образы, представляемые гравюрами, ксилографией и ребусами (так называемыми *энигмами*), среди которых:

- *Иероглифические Фигуры* Фламелья (XIV в.);
- *Двенадцать Ключей Философии* Василия Валентина (XV в.);
- анонимный трактат *Философский Розарий* (XV–XVI вв.);
- *Алхимические Операции* Беккафуми (XV–XVI вв.).

В XVI веке также были изданы *Amphitheatrum Sapientiae Aeternae* Кунрата, *Margarita Pretiosa Novella* Лациния, в XVII – *Aureum Vellus* Трисмозина, *Atalanta Fugiens* и *Simbola Aureae Mensae* Майера, *Philosophia Reformata* Милия, *Viridarium Chemicum* Стольция, а также *Cabala Speculum Artis*, *Natura in Alchimia*, *Kabbala Denudata*, *De Lapide Philosophico* Ламбспринка, *Viatorium Spagyricum*, *Das Uraltes Chymisches Werk* Абрахама Елеазара. В XVIII веке следует отметить *Liber Singularis* Бахузена, а в XX в. – *Герметический Синопсис УР АЗА*.⁶⁹

Не требуется особой проницательности, чтобы заметить в упомянутых изображениях использование одних и тех же образов, имеющих глубокий смысл для психе оператора, как если бы алхимический символизм соответствовал некоему закону, координирующему образы внутри серии устойчивых глубинных репрезентаций, что предполагает архетипический характер этих образов.

С другой стороны, данный символизм всегда развёртывается на основе образов, обладающих мощным зарядом, мощным воздействием на эмоциональном плане, в то время как одни и те же символы неизменно встречаются на различных уровнях – то есть на профанном (экзотерическом) и на инициатическом (эзотерическом), что побуждает операторов выстраивать свои действия внутри в соответствии с внешними действиями по принципу определённого мимезиса, своеобразной пантомимы, фактически свидетельствующей, по аналогии с двумя указанными аспектами, о соответствии между «внутренним» и «внешним», слитности, гомогенности тела и духа, – короче говоря, о Единой Вещи.

Это становится лёгкой наживкой для тех лишённых понимания, хотя и усердных, простецов, которые верили – и верят – операторам, выступавшим в роли предшественников современных химиков, и заинтересованных в «изготовлении» обычного золота, – не говоря уже о тех, кто воспринял буквально лабораторную терминологию и убежден, что Алхимия состоит в самых настоящих и подлинных химических операциях. Таких в среде алхимиков именовали «стеклодувами», «сжигателями угля», «ловцами дыма», да и как только ещё не называли; в любом случае, говорить об Алхимии как о протохимии является совершенным заблуждением.

Однако химико-спагирическая сторона алхимии в приложении к обычной материи неоднократно способствовала развитию химии, чему можно привести наиболее важные примеры, не нуждающиеся в пояснениях:

- едкое кали (Альберт Великий, XIII в.), не говоря о свинцовых белилах и сурике;
- бикарбонат калия (Луллий, XIII–XIV вв.);
- сернистый эфир и соляная кислота (Василий Валентин, XV в.);
- цинк и химические соединения в медицине⁷⁰ (Парацельс, XVI в.);
- бензойная кислота (Блез де Виженер, XVI в.).

⁶⁹ *Sinossi Ermetica di UR AZA*, Alkaest, Genova, 1980. – Прим. авт.

⁷⁰ Неорганические соединения во врачебной практике до Парацельса не применяли.

После XVIII века в Алхимии стали различать, хотя и в довольно запутанных, тёмных и неясных терминах, два Пути: один называют Влажным, другой – Сухим.⁷¹ Термины эти, однако, совершенно неподходящие, поскольку Путь всегда один, преодолевают ли его при помощи Краткого Искусства («сухой путь») или Долгого Искусства («влажный путь»).

Адъективация «сухого» и «влажного», напротив, справедлива в приложении к двум «фазам» Делания: одна из них «влажная», когда поведение оператора направлено на восприятие, если не сказать, что оно пассивно, а другая – «сухая», когда оператор переходит к поведению проективному, активному, магическому.

Как можно увидеть, два Искусства различаются двумя способами действовать, – а значит, двумя модусами бытия алхимика, поскольку оператор:

а) в Долгом Искусстве, или «посредством влаги»:

- практикует тишину, чтобы услышать голос Нумена;
- пренебрегает миром, чтобы подняться до Неба;
- очищается, чтобы действовать;
- принижает всё личное, чтобы устремиться к трансперсональному;
- запоминает все тупики на пути;

б) в Кратком Искусстве, или «посредством жара»:

- слушает голос Нумена среди мирского шума;
- стремится к Небу посреди Мира;
- действует даже с риском для жизни и всякий раз ощущает, что становится чище;
- действует как Нумен, оторвавшись от своего биографического, отбросив его и преодолев тупики;
- затем... размышляет об этом.

Всё это так, однако, эвристически различие состоит в том факте, что, если в Долгом Искусстве требуется – или предполагается в качестве начальной фазы Делания – очищение, то в Кратком Искусстве Делание начинает оператор в «неочищенном» состоянии, со всеми вытекающими отсюда рисками, сокращая при этом сроки и полагаясь на силу «героического безумия» (родника вдохновения).

Технически разница заключается в «направлении огней» (рассматриваемых как жизненные энергии в их сочетании или как комплекс жизненных энергий), каковые в Долгом Искусстве направлены на «варку» алхимика в его «собственном соку», в то время как в Кратком Искусстве их направляют на «разогрев» Нумена там, куда указывает вдохновение. Иными словами, в одном случае это «варка», в другом – «разогрев».

⁷¹ Автор имеет в виду, что ранее эти термины эксплицитно не использовались.

VII. Магическая дверь

Через естественную дверь Человек попадает в существование, через другую естественную дверь он его покидает; но через герметико-алхимическую дверь он может выйти в жизнь по обе стороны существования.

Среди наиболее значительных свидетельств в истории Алхимии есть эпизод, связанный с Магической Дверью, называемой также Герметической или Алхимической, каковая представляет собой важнейший, если не единственный эпиграфический документ в Италии. Она была установлена в 1680 г. маркизом Массимилиано Паломбарой в стене его римской виллы на небольшом расстоянии от главного входа.

Магическая Дверь представляет ценность благодаря не архитектурным достоинствам, а эпиграфам, нанесённым на неё, насколько известно, самим маркизом, каковой считался как минимум любителем герметики и разместил в различных частях виллы ещё пять других эпиграфических групп, ныне, к сожалению, утраченных.

Однако упомянутые эпиграфы принадлежат не маркизу, а таинственному персонажу – «паломнику» – который, согласно легенде, провёл ночь на вилле Паломбары и покинул её, не попрощавшись, но оставив лист бумаги с изображёнными на нём «энigmatami».

Среди эпиграфов, или надписей, можно различить знаки, которые, несмотря на то, что их семь, как и число их астрологических аналогов, не следует путать с таковыми, поскольку они – за исключением знака Венеры – выглядят иначе и указывают на Семь Металлов Алхимии (что, конечно, следует понимать не буквально, а метафорически). Если быть точным, это герметико-алхимические символы пяти Планет и двух Светил (Солнца и Луны); однако, поскольку в контексте они использованы не в абстрактном, а в конкретном смысле, в приложении к Деланию, то есть к действиям оператора, я говорю, что они указывают на Семь Металлов.

Магическую Дверь называют «низкой» или «нижней», если хотите, поскольку за чтение надписей следует приниматься снизу и следовать за часовой стрелкой, можно сказать, начиная с порога, двигаясь по левой стороне Двери, если смотреть на неё снаружи, и заканчивая на правой стороне внизу.

Таким образом, вне эзотерического прочтения, требующего совершенно иного дискурса, на Двери написано следующее:

а) на фронтоне, на ленте внешней окружности: *tria sunt mirabilia deus et homo mater et virgo trinus et unus* – «три чуда: бог и человек, мать и девственница, тройственность и единство»;

б) на фронтоне, на ленте окружности, увенчанной крестом: *centrum in trigono centri* – «центр в треугольнике центров»;

в) на архитраве находится единственная надпись не на латыни, а на иврите,⁷² однако её смысл не вызывает сомнений: «Дух Божий»;

г) ниже помещено: *horti magici ingressum hesperius custodit draco et sine Alcide colhicas delicias non gustasset Iason* – «дракон охраняет вход в магический сад Гесперид, и без Алкида [т. е. Геракла] Ясон не сможет вкушать наслаждений Колхиды»;

д) на правом бруске Двери, если выходить из неё, в верхней части, под знаком Свинца (Сатурна): *quando in tua domo nigri corvi parturient albas columbas tunc vocaberis sapiens* – «когда в твоём доме чёрные вороны произведут на свет белых голубок, будешь называться мудрецом»;

⁷² Руах Элохим.

е) напротив, на левом бруске Двери, под знаком Олова (Юпитера): *diameter sphaerae thau circuli crux orbis non orbis prosunt* – «диаметр сферы, тау окружности, крест орбиты не служат слепцам»;

ж) на правом бруске, в средней части, под знаком Железа (Марса): *qui scit comburere aqua et lavare ignis facit de terra caelum et de caelo terram pretiosam* – «тот, кто знает, как жечь водой и мыть огнём, превратит землю в небо, а небо – в драгоценную землю»;

з) напротив, на левом бруске, под знаком Меди (Венеры): *si feceris volare terram super caput tuum eius pennis aquas torrentum convertes in petram* – «если сделаешь так, чтобы земля летала у тебя над головой, посредством её перьев сможешь обратить в камень воды потока»;

и) на правом бруске, в нижней части, под знаком Ртути (Меркурия): *azot et ignis dealbando Latonam veniet sine veste Diana* – «азот⁷³ и огонь, отбеливая Латону, следует обнажённая Диана»;

к) напротив, на левом бруске, под знаком Золота (Солнца): *filius noster mortuus vivit rex ab igne regit et coniugio gaudet occulto* – «наш мёртвый сын живым царём правит из огня и наслаждается тайным союзом»;

л) на уровне порога, читается как слева направо, так и справа налево: *si sedes non is* – «если сидишь [на месте], не продвинешься [вперёд]», если читать слева направо, и «если не сидишь [на месте], продвинешься [вперёд]», если наоборот;

м) под порогом, рядом со знаком Серебра (Луны): *est opus occultum veri sophi aperire terram ut germinet salutem pro populo* – «тайное делание для истинного мудреца раскрыть землю, чтобы она породила спасение для людей».

Я привёл дословный перевод, в том числе и там, где одно слово создаёт намеренную двусмысленность; впрочем, эти надписи являются «энигмами» и, как таковые, предоставляют исследователю возможность проявить свою сообразительность. Кроме того, таковой имеет возможность поупражняться в трактовке смысла этих надписей, читаемых, как было сказано, снизу вверх по часовой стрелке, не говоря уже об анализе треугольника, венчающего Дверь – Салумбо (после X в. называемого также Треугольником Соломона),⁷⁴ – на который наложена сфера с крестом, содержащая, кроме того, две орбиты, то есть две окружности различных радиусов.

Искушённый герметик по этому поводу как-то написал: «Беда, что сфера с крестом не помогает другим сферам, которым явно не известно, ни как она возникла, ни где находится точка, или центр, из коего она образовалась...»

И если бы это не было так, Дверь не была бы «энигмой».

⁷³ Алхимический аркан, не имеющий ничего общего с химическим элементом N.

⁷⁴ Автор имеет в виду треугольник, вписанный в окружность и обращённый вершиной вверх.

VIII. Алхимия и искусство

Поскольку художники извлекают форму из бесформенного, они осуществляют коагуляцию, но в обыденной жизни художником является алхимик, ибо он осуществляет коагуляцию внутри себя.

Если *авторами* называют тех, кто писал и пишет и, таким образом, в более широком смысле, оставил и оставляет конкретные следы своих операций, «аудиторией», напротив, являются те, кто в конечном счёте любит слушать, читать или же говорить сам, не марая при этом рук; такие умники, вещающие с академической кафедры, равно как и «благочестивые Энеи»,⁷⁵ относятся к тем, кто не создан для Искусства, но пытается в нём преуспеть.

К иной категории принадлежат те, кто, будучи восприимчив к алхимическим образам, благодаря культурной ассимиляции, или в ходе поисков новых источников вдохновения, или по другой причине сознательно или неосознанно приблизился к данной образной системе и демонстрирует в ней успехи; такие люди, говоря в общем, творят в области герметико-алхимической поэтики, не являясь при этом *artifex*.

Действительно, в сфере искусства творцы постоянно обращаются к герметико-алхимическим мотивам и темам; рождающиеся в результате произведения, однако, не являются продуктом подлинных операторов, и, следовательно, их значение для Алхимии не стоит переоценивать. С другой стороны, в определённом смысле, Искусство, как и Алхимия, представляет собой творческую активность, выражающуюся в трудолюбивом и тщательном приведении бесформенной материи (текстуальной, изобразительной, пластической, строительной, звуковой и пр.) к форме. Отсюда восприятие Искусства и Алхимии как «подражания Природе» (данная концепция была теоретически разработана в период Ренессанса), не упрощенчески в смысле внешнего сходства, но в соответствии с тем, что за этим стоит, т. е. как воспроизведения творческих процессов, присущих Природе.

Кроме того, имеет место также личная вовлечённость в алхимическое Делание, превращающая художника в «невольного» интерпретатора такового, при том, что в контексте специфических техник возникают совпадения тематики кислот, растворителей, очистки, обжига, перемалывания, полировки и т. д.; на самом деле, в Искусстве всё это обычно служит инструментарием для создания художественных произведений, в то время как в Алхимии произведение есть итог *трансмутации* самого оператора. Таким образом, следует различать алхимиков, экзистенциально погружённых в Делание, которые также являются художниками, как Беккафуми и Пармиджанино (XVXVI вв.), и художников, вовлечённых в Алхимию лишь в культурном и поэтическом аспекте, как например:

- Дюрер (XVI в.) со своей знаменитой *Меланхолией-I*, откровенно изобилующей герметико-алхимическим символизмом;
- Кранах-старший (XVI в.) с таким же сюжетом, выполненным как явная аллюзия на ту же мифологему;
- Иероним Босх, чей триптих *Сад Наслаждений* (XVI в.) построен на алхимических образах;
- Джорджоне и Тициан, – соответственно, первый в *Буре*, а второй в *Сельском концерте* (XVI в.), – воспевают темы мифогерметической, если не алхимической, иконографии;
- Рембрандт (XVII в.) с гравюрой *Фауст*.

⁷⁵ Автор намекает на бегство потерпевшего поражение Энея из Трои, когда эллины пожалели и пропустили врага «за его благочестие».

Вряд ли необходимо напоминать об использовании алхимического репертуара символистами, художниками-«розенкрейцерами», а позднее сюрреалистами и их непосредственными предшественниками, чьи отсылки к алхимии совершенно очевидны; среди них на художественном амвоне стоят Браунер, Дали, Массон, Эрнст, не говоря уже о предтече концептуализма Марселе Дюшане.

Интерпретация и представление мифологических мотивов в герметическом ключе берёт начало в позднем Средневековье, чтобы затем получить распространение в XVI веке и обогатить в XVII и XVIII вв. собственный тезаурус образами, заимствованными из текстов, эмблем, геральдических изображений (гербов) и иероглифических печатей. В этом контексте можно упомянуть:

- первую панель мозаичного пола в центральном нефе собора Сиены (XV в.);
- фрески Пинтуриккио в апартаментах Борджиа в Ватикане (XV–XVI вв.).

В рамках алхимической логики написаны также работы Микеланджело, далеко не бедные в отношении метафор, символов и аллегорий, каковые можно обнаружить при внимательном изучении гробниц Джулио и Лоренцо де Медичи в Новой Ризнице базилики Сан-Лоренцо во Флоренции, где на противоположных друг другу сторонах изображены две пары «Ночь»-«День» и «Утро»-«Вечер».

К иному дискурсу относятся работы, выполненные для заказчиков, явно хорошо осведомлённых в области Алхимии или являющихся её последователями, среди каковых произведений можно назвать:

- роспись во Дворце Республики в Сан-Джеминьяно (XIV в.);
- аллегория Стихий в одном из залов Палаццо Веккьо⁷⁶ во Флоренции, созданная в XVI в. рукой Вазари для графа Козимо де Медичи;
- Зал Фресок и Аудиенц-Зал (там же), расписанный Сальвиати;
- «Лаборатория алхимика» в кабинете Франческо де Медичи (там же);
- роспись, выполненная рукой Караваджо (конец XVI в.) на потолке Виллы Людовизи в Риме (Плутон, Нептун и Юпитер).

В не меньшей степени это относится к следующим памятникам:

- скульптурная группа, названная позднее «три возраста», заказанная Франческо де Медичи у Джамболонья Грандука;
- две статуи, подаренные Буонаротти Его Высочеству Козимо де Медичи и представленные в Салоне Палаццо Веккьо;
- скульптуры Винченцо Росси, изображающие «шесть подвигов Геракла», сделанные для Козимо де Медичи и выставленные в Большом Зале⁷⁷ (там же).

В области скульптуры в соответствии с их алхимическим «весом» следует выделить:

- скульптурные символы на фасаде дворца алхимика Жака Кёра во Франции (Бурж, XV в.);
- девяносто три кессона, подразделённых на семь серий, в верхней галерее замка Дампьер-сюр-Бутон (XVI в.);
- скульптурное изображение на Доме Саламандры в Лизьё (XVI в.);
- скульптурные изображения и барельефы собора Нотр-Дам де Пари;
- горельефы Амьенского собора;
- барельефы на четырёх сторонах цоколя Циклического Креста Анде в Нижних Пиренеях (XVII–XVIII вв.).

⁷⁶ Этот зал так и называется «Зал Стихий».

⁷⁷ Называемом также «Салоном пятисот» (ошибочно – правильно было бы «Салон 1500-х»).

Нельзя обойти молчанием и то, что хранит Капелла Сан-Северо в Неаполе (XVIII в.):

– *Христос под плащаницей* и две другие «покрытые» скульптуры – *Целомудрие* и *Избавление от чар*, – на которых строится весь дискурс в отношении остальных произведений Капеллы, каковая в комплексе представляет собой в высшей степени многозначный памятник, подлинный Храм герметического вдохновения.

Кроме того, почти что текст в себе – если такое возможно – демонстрирует майолика, украшающая печь, изготовленную в 1702 г. и выставленную частным владельцем в Музее Искусств и Ремёсел Винтертур.⁷⁸ Она содержит шестнадцать медальонов, на которых представлены герметико-алхимические процессы.

В области литературы, следует добавить, речь идёт скорее о произведениях или пьесах, созданных не операторами-алхимиками, но поэтами, чувствительными к алхимическим мотивам, причём, говоря «поэты», я имею в виду истинное значение этого слова, которое происходит от финикийского *fohe* (речь) и *ish* (бог), – то есть «те, кто говорит на божественном языке».

То же можно сказать и о музыкальных произведениях, вдохновлённых герметико-алхимическими мотивами, – пусть и не из первых рук, как это происходит в случае композиторов-масонов: я говорю о Гайдне (см. симфоническая поэма *Творение*) и Моцарте (см. *Волшебная Флейта*).

В двух весьма древних алхимических текстах (VII в.) уже упоминаются музыкальные соответствия. Один из них принадлежит анонимному Философу (псевдо-Захарии) и интерпретирует идеи, содержащиеся во фрагментах, приписываемых двум алхимикам II века, Марии и (псевдо-) Клеопатре; другой был написан Стефаносом Александрийским, и в нём говорится о четырёх Стихиях и четырёх «элементарных тонах» в контекстах музыкальной композиции и совершения алхимического Магистерия. С другой стороны, в Средние Века *Искусство Музыки* стало одним из обозначений Алхимии и вполне оправданным, что следует из сопоставления Комбинаторных Таблиц, основанных на формулах колебаний,⁷⁹ и процессов трансмутации *Materia Operis*.⁸⁰

Если говорить о конкретных примерах, то отчётливой алхимической матрице соответствуют музыкальные мотивы, которые можно различить в композиции гобелена *Дама с Единорогом* (парижский Музей Клюни), как, вероятно, и те символы, что видны на дверце голубятни во дворце Жака Кёра в Бурже, каковые имеют прямоугольную форму, типичную для музыкальных нот позднего Средневековья. В 1400-м году алхимик Томас Нортон призывал «соединить Стихии музыкально» и «арифметически в тонких числовых пропорциях». В XVI веке идеи, ранее высказанные Стефаносом Александрийским, были вновь подхвачены и развиты Робертом Фладдом в его произведениях и графических таблицах, где Вселенная представлена как огромный хроматический музыкальный инструмент, и всё в ней гармонически соотносится, сочетается и соединяется музыкальным образом.

С другой стороны, насколько музыка тесно связана с Алхимией, ярко демонстрируют иллюстрации к трактату *Splendor Solis* Соломона Трисмозина (XVI в.), а также *Amphitheatrum Sapientiae Aeternae*⁸¹ Кунрата (XVII в.), где недвусмысленно показаны музыкальные инструменты в алхимической лаборатории, не говоря уже о музыкантах и певцах на эмблеме, иллюстрирующей стадии алхимического делания.

Образцовым примером является работа Михаэля Майера (XVII в.) *Убегающая Ата-ланта*, каковая содержит 50 алхимических гравюр в сопровождении такого же количества

⁷⁸ Эту печь работы мастера Пфау упоминает Фулканелли во второй части главы «Бурж» (*Тайна Соборов*).

⁷⁹ Т. е. соотношений частот.

⁸⁰ Материя Делания (лат.).

⁸¹ *Амфитеатр вечной мудрости*. Автор ошибочно относит этот трактат к XVII в. – он впервые был издан в Гамбурге в 1595 г.

латинских эпиграмм, исполняемых как музыкальный канон на три голоса (*cantus firmus*⁸² плюс два сопровождающих);

первый голос принадлежит убегаящей Аталанте (ускользающему Камню), второй – преследующему её Гиппомену (адепту), а третий (статический голос) символизирует яблоки, замедляющие бег... долгой дорогой к завоеванию *сияющего постижения*.

Но вопиющим является случай Монтеверди, представителя музыки барокко (XVII в.), который, как считают, был другом Майера, известного Гранд-Мастера Алхимии. Монтеверди последовательно использовал резкие контрасты в своей музыке, каковые без всяких сомнений звучали провокационно для того времени, чтобы продемонстрировать игру «противоположностей» в композиционно-оперативной динамике и привнести новый модус стилистической выразительности – «закалки», каковая, вместе с уже известными «мягкостью» и «темперированностью» (см. *Плач Арианы*), образует эхо Алхимического Тернера.

⁸² Голос, ведущий основную мелодию многоголосой композиции.

IX. Бог и Алхимия

Принцип вездесущ: он присутствует в познающем субъекте, в познаваемом объекте и в самом акте познания.

Тематика Алхимии едина, она касается задач, которые стоят перед алхимиками, и представляет собой их наименьший общий знаменатель: это *Unio Perfecta*,⁸³ то есть всеобъемлющее единение с Принципом, – интеграция, являющаяся следствием *Coincidentia Oppositorum*,⁸⁴ если использовать философский термин; в этом случае роль противоположностей, притом в определённом смысле крайних, играют Человек и Мир. Таким образом, в рамках пути, понимаемого как *Itinerarium ad Deum*,⁸⁵ Мир рассматривается не диалектически, как «не-я», но как *alter ego*,⁸⁶ в то время, как источником такого видения является *Deus Absconditus*.⁸⁷

При этом каждый алхимик представляет собой отличный от других числитель, поскольку он по-иному, то есть так, как присуще *лично ему*, преодолевает сей путь. В результате однозначность тематики и проблематики Алхимии сочетается с многозначностью оперативной сферы.

С другой стороны, – и это типично для всей истории Алхимии, – не существует академий, братств, орденов, сообществ или чего-либо подобного, что могло бы направлять и постепенно формировать алхимика; непрерывность данной традиции обеспечивается в области индивидуального и в индивидуальном порядке. По таковой причине не должен (и не может) подниматься вопрос ни о какой законной или истинной преемственности.

В составе организаций, ставящих перед собой цель осуществить алхимическую инициацию, где бы и когда бы они ни возникали, можно встретить исследователей и любителей Алхимии, но не подлинных операторов, поскольку алхимический Путь предназначен только для одиночек; это также относится к тем случаям, когда есть основания говорить о некоей «школе», чей доктринальный профиль сформирован под влиянием одного харизматического *автора*, или «мастера», как то происходило в первые века нашей эры (Харранская школа) и в недавнее время в исламском ареале, демонстрирующем склонность к явному мистицизму.

В любом случае алхимический поиск не лежит в направлении бегства от мира с его обыденными смыслами, но принимает таковой в его герметическом значении – как «фабулу», в которой участвует сам алхимик и в которой он ищет слияния с рассказчиком, с *deus enarrans*.⁸⁸

«Поиск» имеет также аскетические коннотации, связанные с дисциплиной и практикой «добродетели» в целях получения божественного откровения, вследствие чего предполагает – и привносит – необходимость «операций» и «упражнений» по ходу всего процесса, в его ключевых фазах: в первой, очистительной, во второй, просветляющей, и в третьей, объединяющей (модусы эти рассматриваются *a posteriori* и не должны пониматься слишком ортодоксально; когда речь идёт об операциях и упражнениях, следует отбросить канонические схемы активного поведения, так как имеются в виду ключевые моменты в рамках, охватывающих всё Делание, причём понимаемые как различные перспективы, то есть вполне обычным для плюралистического подхода Алхимии образом).

Как бы то ни было, поскольку мы говорим о пути, предполагающем понимание человека как храма божества, сокрытого в нём (независимо от того, принадлежат ли эти слова мирскому

⁸³ Совершенный Союз (лат.).

⁸⁴ Совпадение противоположностей (лат.).

⁸⁵ Путь к Богу (лат.).

⁸⁶ Другое я (лат.).

⁸⁷ Сокрытый Бог (лат.).

⁸⁸ Бог повествующий (лат.).

или религиозному дискурсу), конечное видение мира является фундаментально одним и тем же и для алхимика, и для мистика; исходя из этого, можно сделать вывод, что понятие Бога (всё же лучше сказать Божества, чтобы не скатываться к идее личностного бога) не является чуждым для Алхимии или несовместимым с ней, – что соответствует действительности.

Мистика, приготавливаемая аскезой, определяется как *modus vivendi*,⁸⁹ интенсивно направленный на опытное познание божественного в перспективе, которая требует интегрального внимания; в конечном счёте, это приложение, направленное на актуализацию божественного присутствия в *corpore vili*.⁹⁰

Не иначе обстоит дело и в Алхимии; единственное отличие составляет тот факт, что поведение мистика соответствует практике поклонения: его позиция выжидательна, она полагает Единение как особую милость, как дар Бога. В то же время, поведение алхимика действительно, его позиция «технически» инициатична; для неё характерно понимание Единения как трансмутации в бога (пользуясь той же терминологией). И одна, и другая линия поведения направлены к тому истинному и подлинному качественному скачку в состоянии, каковым является *Unio Mystica* или *Perfecta*.⁹¹

Таким образом, совсем не удивительно видеть среди сторонников Алхимии представителей церкви:

- Роджер Бэкон – францисканец (XIII в.);
- Джон Дастин – монах (XIV в.);
- Джованни да Рупешисса – францисканец (XIV в.);
- Василий Валентин – бенедиктинец (XIV–XV вв.);
- Джордж Рипли – каноник августинского приората (XV в.);
- Ян Лациний – францисканец (XVI в.);
- Валентин Вайгель – лютеранский пастор (XVI в.);
- Валентин Андреэ – теолог (XVI–XVII вв.);
- Антуан Пернети – бенедиктинец (XVIII вв.);
- Пьетро Паоло Рафелио – каноник (XVIII вв.).

Не менее естественно наблюдать среди выдающихся деятелей церкви исследователей и последователей Алхимии:

- Св. Альберт Великий – доминиканец (XIII в.);
- Раймонд Луллий – францисканец (XIII–XIV вв.);
- Св. Фома Аквинский – доминиканец (XIII в.), известный как автор одного из ярчайших текстов алхимической библиотеки *Aurora Consurgens*,⁹² представляющего апофеоз Священного (или, если угодно, мистического, или алхимического) Брака.

Также не удивительно, что гуманист Патрицио в XVI веке мог безнаказанно предлагать Папе Григорию XIV заменить в качестве основы церковной доктрины философию Аристотеля на Герметизм. При этом покровителем алхимиков-христиан является св. Иаков, вследствие чего паломничество в Компостелу также называется «дорогой св. Иакова» и служит прототипом алхимической дороги к Богу, осуществляемой в соответствии с Влажным Путём (или Долгим Искусством), в то время как Сухой Путь (или Краткое Искусство) соотносится с паломничеством в Святую Землю.

⁸⁹ Образ жизни (лат.).

⁹⁰ Грубом теле (лат.).

⁹¹ Мистический или Совершенный Союз (лат.).

⁹² Восходящая Заря (лат.).

Хотя Алхимия является «путём спасения» в согласии с принципами учения, которое пропагандирует активную жизненную позицию, исторически сложилось так, что она подверглась определённой контаминации со стороны мистики, или практики поклонения; более того, по иронии судьбы, смесь магических и мистических элементов, акцентированных в той или иной степени, можно обнаружить во всех учениях о Спасении. Даже йога, сама по себе являющаяся путём действия в самом точном смысле слова, для которого реальность бога Ишвары, чисто магическая, рассматривается лишь в порядке опыта, в порядке взаимодействия с йогом, оказывается не чужда мистического аспекта, или поклонения (*Бхакти*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.